

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»

Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы

Материалы седьмой Всероссийской научно-
практической конференции с международным
участием

(Абакан, 4 декабря 2014 года)

Секция 1:

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования

Председатели секции:

Анжиганова Л.В., доктор философских наук, профес-
сор

Ибрагимов Р.Н., доктор философских наук, профес-
сор

Морогин В.Г., доктор психологических наук,
профессор, академик МАПН

Абакан 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Анжиганова Л.В. Этническая культура во времени и пространстве.....	3
Бафаев М.М., Останов Ш.Ш. Этнический менталитет как компонент психического склада этноса.....	18
Василец Н.В. Формирование этничности ценностно-потребностной сферы личности в подростковом возрасте.....	21
Давыдов А.С. Регрессионный анализ ценностно-потребностных индикаторов тревоги у представителей этнически однородной и смешанной популяций юношеского, зрелого и пожилого возраста.....	26
Ибрагимов Р.Н. Деформации и инверсии ценностей.....	37
Мазилев В.А. Современные кросс-культурная и этнопсихология: новые тенденции в методологии комплексных и междисциплинарных исследований.....	42
Мазилев В.А., Морозин В.Г. Некоторые методологические основания исследований в области этнопсихологии.....	73
Малиновская С. М. Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера.....	82
Мантикова А.В. Потребность в безопасности городских жителей Красноярского края – представителей русского и смешанного этносов в старшем подростковом возрасте.....	89
Назаров А., Аvezов О. Формирование узбекского этноса.....	94
Сабирова Д., Халилова Р. Возникновение речи и языка.....	99
Саломова Г. Билингвизм в этнопсихологии.....	103
Шишкина А.Ю. Употребление алкоголя совершеннолетними в разных этнических группах.....	106
Сведения об авторах	111

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования

УДК 304.2

Этническая культура во времени и пространстве

Л.В. Анжиганова. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Глобализация подвергла серьезному испытанию идентичности различного уровня: цивилизационного, регионального, государственного, наконец, этнического. Этноты оказались перед историческим выбором: «быть или не быть». Под влиянием глобальных и трансформационных процессов пространственно-временные параметры развития народов существенно изменились. Между тем, осознание этносом *целостности в пространстве* означает, с одной стороны, возможность дифференциации этноса от других этнических и внеэтнических образований (государственных, социально-классовых и прочих). С другой стороны, это позволяет выделять компоненты жизнедеятельности народа, способствующие внутриаэтнической интеграции (этническое самосознание, культура, язык, территория, особенности национально-государственного устройства, хозяйственно-экономического уклада и т.д.). Наконец, пространственное самоопределение этноса позволяет ему включиться (или дистанцироваться) в общности более широкого плана (региональные, континентальные, общечеловеческие) без утраты своего этнического «лица».

Обретение *целостности во времени* для народа особенно важно, т. к. это обосновывает его положение как необходимого звена между прошлым и будущим, удовлетворяя главную потребность – *быть, существовать всегда, вечно*.

В процессе формирования этносов, как и любых других социальных систем, лежит *система потребностей*, сложившаяся у народа в каждый конкретный исторический период, но в основных своих параметрах не противоречащая той картине мира, в которой этнос видит себя как целостность.

Поскольку этнос – биосоциальная общность людей, то потребности выживания, адаптации к миру являются в нем наиболее значимыми, определяющими. Главная движущая сила развития народа – потребность ощущать свое *бытие*, и главной ценностью всякого этноса становится *жизнь*. Эта ценность проявляется особенно рельефно, когда народ находится в состоянии кризиса, надлома, точке бифуркации (в состоянии хаоса, возникающего в точке выбора пути развития). Опасность уничтожения извне или самоуничтожения народ понимает почти инстинктивно и начинает вырабатывать механизмы выживания:

1. Ориентация на многочисленное, здоровое потомство как гарант воспроизводства народа.

2. Постоянный психологический прессинг идеи самосохранения народа озвучивается в устном народном творчестве, письменных источниках, религиозных ритуалах.

3. Возвращаются прежние, консервативные, но проверенные временем, структуры и ценности традиционного общества (ценности родной земли, этнической солидарности, народ, род как ценность).

4. Потребность спасения у народа часто проявляется в поиске мессии, который остановит процессы саморазрушения этноса и даст новую силу для его расцвета и вечной жизни.

5. Все это способствует проявлению у представителей этноса ценностей выживания, которые продиктованы невысоким горизонтом ожидания (безопасности, наличия работы, сохранения здоровья, благополучия, включенности в традиционные структуры общности, следование обычаям предков, канонизация традиционного образа жизни и пр.).

Несколько иные потребности, интересы и ценности возникают у народа на этапе его взлета, будь то расцвет этноса за счет собственных ресурсов или, чаще всего, как результат завоевания других народов. Причина такого процесса также, по-видимому, коренится в витальной потребности не только сохранить, но и распространить свое бытие за свои пределы. Сюда же накладывается социально-психологическая потребность быть значимым среди себе подобных, а если позволяют силы, стать самым значимым, великим. Это оборотная сторона все той же потребности жить, но за счет жизни других. Ценности, возникающие на этом этапе, реализуют «модели должного». Они выступают в контексте более широком, чем контекст индивидуальных потребностей: «великая миссия», «цивилизаторская роль», «проявление божественной воли» и пр.

Национальная идеология здесь увенчивается идеей исключительности народа, его права карать и миловать, навязывать свое видение мира через культуру, модернизационные процессы и пр. Особенно ценными качествами становятся честь, долг, доблесть, слава, подвиг, мужество. Общество формирует соответствующие структуры: государство, жречество (Церковь) как манипулятор сознанием подданных, разветвленная, но жесткая социальная структура, ориентация на идеал личности – героя, гения, способной внести свой вклад в величие государства в любой сфере (в военном деле, на политическом поприще, в экономике или культуре). Если на этапе выживания больше уповают на помощь сакральных сил, то в период расцвета народа выражена уверенность в собственных силах, впрочем, в той или иной степени санкционированной свыше («Вся власть от Бога»).

Анализ потребностей и ценностей этноса невозможно осуществить в отрыве от социально-психологического уровня их функционирования. Психологические черты того или иного народа поддаются научному анализу с большим трудом, т.к. по большому счету практически все основные характеристики как положительные, так и отрицательные можно отнести к любому народу.

С другой стороны, процесс возникновения психологических особенностей того или иного народа теснейшим образом связан со спецификой ландшафта, которая накладывает отпечаток на формы проявления национальных установок и стереотипов. Специфическое сочетание природных, социально-экономических, исторических факторов оказывает влияние на формирование психологических свойств этноса, при анализе которых необходим конкретно-исторический подход. Сами психологические черты народа инертны, обладают определенной устойчивостью во времени. Но на разных этапах развития того или иного этноса на первый план выходят различные черты психологии народа.

Вообще же, желание определить какой-либо народ через одну доминирующую характерную черту чаще всего окрашено в тона субъективного восприятия, в свою очередь, определяемого собственной этнической определенностью и личной историей исследователя.

Существенным элементом этнической психологии являются этнические авто- и гетеростереотипы. Это исторически устойчивые представления о наиболее ярких характеристиках своей и других этнических групп, сложившиеся на основе общественного мнения в течение длительного времени. Эти стереотипы носят оценочный, целостный, устойчивый, эмо-

циональный характер, обладают низкой пластичностью под воздействием новой информации.

Естественно, любой образ предмета не отражает всей совокупности его характеристик, более того, известно, что познающий субъект всегда выделяет те свойства объекта, которые отличны от его собственных, что является этнодифференцирующим фактором. Этнические стереотипы, несмотря на серьезную субъективную (в данном случае со стороны этноса) окраску, действительно устойчивы, а значит, имеют повторяющуюся основу, лежащую в реальной действительности, и отражают фактические характеристики этноса, но глазами другого народа. Автостереотипы этносов не совпадают с их образом в представлении других подобных образований.

Следует отметить, что в реальной жизни этнические стереотипы функционируют в трех планах:

- на теоретическом уровне (вследствие работы ученых-историков, антропологов, философов, которые, исследуя этнические общности, вольно или невольно, создают их конкретные образы, в соответствии со сложившейся традицией или собственным личным опытом);

- на уровне общественного мнения (как целенаправленно создаваемом общественными институтами – государством, СМИ, так и формирующимся стихийно под воздействием тех или иных исторических событий);

- на личном уровне, когда человек ощущает некое напряжение между общественным мнением и опытом личного общения с представителями того или иного народа.

По-особому складывается ситуация, когда этносы сосуществуют рядом друг с другом, и тогда этнический стереотип влияет на восприятие личных качеств человека, определяет отношения людей. Если же нет опыта общения с этносом, то личные характеристики его представителя могут повлиять на восприятие этноса в целом и создание этнического стереотипа.

Этническое мировоззрение всегда идеологично в том смысле, что оно отражает мир через призму этнических (национальных, если объект отражения – отношения государственные, политические) интересов. Этнические интересы в первую очередь отражают стремление этноса обеспечить свою безопасность от мира и внутренних деструктивных процессов,

иначе говоря – сохранить собственную целостность и способность к саморазвитию.

Каждая культура порождает внутри себя определенную эмоционально-психологическую атмосферу, через призму которой воспринимается окружающий мир. Одной из утвердившихся теорий причин сохранения этнических культур является положение об исторической устойчивости дихотомии «свой – чужие», укорененной в самом их ядре. Если на эмоциональном уровне объект воспринимается как «свой», то по отношению к нему агрессия не проявляется, а значит, не срабатывают механизмы защиты. Обычно это происходит, когда «чужое» близко по своему мировоззренческому содержанию, узнаваемо, присутствует в собственном мировоззренческом наследии.

Анализируя этнические процессы в динамике, исследователи приходят к обоснованному выводу, что в структуре этноса есть *некие инвариантные элементы (система ценностей), позволяющие сохранить качественную определенность народа в течение веков, даже тысячелетий, несмотря на сложности существования* (природные, социальные, политические, исторические). При этом важно отметить, что только тогда, когда этнические ценности уходят в подсознательные глубины этнического сознания, тогда они становятся фактором этноидентификации (самоопределения) и сохранения этноса.

Система внутренней интеграции и внешней дифференциации этносов формулируется в мировоззренческих терминах и превращается в некое инвариантное ядро культуры народа. Оно проявляется в архетипах «коллективного бессознательного» этносов, способствует отбору соответствующих культурных феноменов из внешней среды в ходе развития и взаимообмена с другими подобными образованиями. Именно этническое мировоззрение создает уникальный образ данного народа в его внутреннем и внешнем общении.

Этническое мировоззрение можно определить как систему представлений этноса о мире в целом, о себе и своем месте в нем, позволяющую ему идентифицировать себя как целостность во времени и пространстве.

При исследовании культур различных народов, как правило, делается акцент на их своеобразии, отличии друг от друга, более того, часто отстаивается уникальность той или иной этнической культуры во времени и пространстве. Между тем, их специфика состоит не в том, что они говорят о разных вещах, а в том, что говоря об одном и том же, по-своему от-

ражают их. Более того, сама структура этнических культур, как утверждают исследователи, представляет собой единство трех основных компонентов:

- «ядра», формирующегося на протяжении всего этногенеза, удерживающего этническую культуру от распада, определяющего допустимую меру инокультурных заимствований;
- «элементов», составляющих данную культуру: форм права, морали, религии, искусства, науки, философии;
- «защитного пояса» – отработанных механизмов, способов сохранения и развития этнической культуры во времени и пространстве (традиции, обычаи, ритуалы, образ жизни и пр.).

Исследуя этническую культуру как систему, необходимо выделить не только ее элементы, но и попытаться проследить их структурную взаимосвязь, диалектику их взаимодействия.

В ядре этнической культуры, имеющей длительное самостоятельное существование, формируются специальные механизмы передачи информации, которые базируются не столько на апелляции к разуму, сколько на культе социализированных эмоций, где важное значение имеют подражание, заражение и внушение, основанные на внелогическом, эмоциональном усвоении социального опыта. Исторический материал дает основание утверждать, что практически нет народов, не страдавших этноцентризмом – стремлением ощущать себя центром, вокруг которого вращается мир. Однако такое положение было оправдано и объяснимо в условиях, когда этносы жили относительно изолированно, обладали неполной информацией друг о друге, служившей появлению и закреплению этнических стереотипов.

Элементы этнической культуры как системы (мораль, религия, право, философия, виды искусства, наука) развиваются неравномерно, среди них выделяется *доминанта* – один или несколько элементов культуры, где наиболее полно реализовался духовный потенциал народа. Доминанта создает уникальное «лицо» народа. Существование той или иной доминанты, в конечном счете, определяется ядром культуры, взаимосвязь между нею и другими элементами этнической культуры подвижна, и со временем их зависимость и соподчиненность могут меняться.

Любая культура есть не просто конгломерат различных элементов, подчиненных линейной связи, но *содержательное единство*, где составные части подчинены основополагающим принципам и выражают основные ценности данного народа. Элементы системы взаимосвязаны и взаи-

мозависимы, и если меняется смысловое содержание доминанты, то неизбежно подвергается трансформации содержание других элементов. На содержание ядра этнической культуры решающее влияние оказывает цель этнического развития, которая в предельной форме может быть выражена в стратегиях: *выживание и/или развитие*.

История убеждает, что любой этнос тогда обретает прочность, способность к развитию, когда он определяет цели собственного развития. И наоборот, всякий раз, когда народ утрачивает цели, он теряет творческий активный заряд. Наиболее ярким примером последнего можно считать период кризиса, «эпохи перемен» – закономерной стадии развития любой системы. Культура – открытая, живая динамичная система, которая постоянно стоит перед выбором альтернативных ориентаций, и сколь бы ни был болезненным кризис, он является необходимым условием жизни любой культуры, фактором, обеспечивающим ее созидательное развитие.

История развития человечества представляет яркую мозаику непохожих друг на друга культур: одни достигли высот в области науки, другие – искусства, третьи дали основы права, четвертые – философии.

Ядро культуры обладает высокой устойчивостью не только из-за своих имманентных свойств (укорененности в естественные факторы онтогенеза и этногенеза, в «коллективное» и индивидуальное бессознательное), но и потому, что защищено особым *«защитным поясом»*, состоящим из социальных, нравственных и интеллектуальных традиций, представляющих основную сторону образа жизни населения. Значение «защитного пояса» не может быть понято примитивно-прямолинейно – только как «железный занавес», препятствующий инокультурному влиянию. С одной стороны, «защитный пояс» действительно защищает «ядро» от трансформаций и разрушения, с другой, обеспечивает адаптационные механизмы, позволяющие культуре приспособиться к меняющимся условиям бытия этноса. Наиболее яркие в этом смысле примеры современности – поведение исламской культуры в богатых Арабских Эмиратах, Кувейте, где соседствуют образцы научно-технического прогресса и жесткие исламские традиции. Классическим образцом можно считать также так называемые страны – «золотые драконы», где модернизация не трансформировала характер, привычки, традиции этносов, но использовала их, сформировав качественно новый тип производства и управления, с учетом особенностей «защитного пояса» культуры.

Механизм формирования «защитного пояса» культуры сложен, зависит от множества, в том числе и временных, факторов:

- чем более зрелая, самодостаточная культура, тем более изощренные механизмы защиты она вырабатывает;
- исторические условия проживания (мера интенсивности и длительности влияния извне) также могут привести к жесткой системе защиты;
- устоявшиеся ментальные образцы взаимодействия «своих – чужих», определяющих степень взаимодействия с внешним миром.

Этническая культура интуитивно иерархизирует законы возникновения, развития и функционирования мира и отдельных его элементов; в ней создаются этнические представления о красоте, гармонии (или безобразии и неупорядоченности) этого мира, которые должны отвечать определенным требованиям, заложенным в самой картине мира этноса. Культура этноса вырабатывает различные стратегии функционирования народа (выживания или развития). В этнической культуре разрабатываются критерии соответствия возрастных, половых характеристик и социального статуса. Культура народа репрезентативна, поскольку ее основные идеи и принципы активно воздействуют на социум, т.к. в ней жестко формулируются цели и смысл социального действия, средства его достижения. Этническая культура определяет наиболее эффективный в данных условиях тип властных отношений и модель социальной мобильности.

В этнической культуре постулируется идеальная модель социума, в которой, по-видимому, могут быть представлены следующие моменты:

- тип сопряженности общества с природно-космическими процессами и действием сакральных сил;
- жесткая устойчивость или возможная мобильность его социальных структур;
- место закона, права или традиций в механизмах стабилизации и развития общества;
- соотношение ценностей этнической и социальной солидарности;
- представление о перспективах и стратегических целях развития общества;
- понимание места и роли социального кризиса в развитии социума.

Этническая культура позволяет народу увидеть себя во времени – в истории: на ранних стадиях она может быть представлена в мифопоэтиче-

ской и генеалогической форме, затем – в философской. В ней осуществляются операции этноидентификации и этнодифференциации на уровнях этноса и личности, когда этническое мировоззрение задает для этого определенные «пространство» и «предпочтительные модели». В этнической культуре формируются *системы ценностей* выживания и развития, способствующие существованию народа во времени. Сама этническая культура на переломных этапах («этнического надлома» и возрождения) становится самостоятельной ценностью для народа. Этнос создает свой «моральный кодекс», включающий и общечеловеческие нормы нравственности. Общение этноса на всех уровнях (начиная с Космоса и заканчивая межличностным) регламентировано и освящено этническими традициями.

Таким образом, этническая культура выполняла решающую роль в сохранении и развитии этноса. Однако в условиях мировых катаклизмов XX века (мировых войн, социальных экспериментов, глобализации) серьезной деформации подверглись базовые основания этнических культур:

- мир из единого и живого, комфортного и «лучшего из миров» превратился в пространство неразрешимых противоречий и тотальной опасности как для общности, так и конкретного человека;
- жизнь перестала быть атрибутивным свойством мира и человека, она конечна, ограничена и часто бессмысленна;
- человек не несет ответственности не только за космические процессы, но и за собственную жизнь: об этом говорят превышающие все пределы суициды, особенно в молодежной среде, преступления, алкоголизм, наркомания;
- выпадение человека из природной ритмичности (благодаря модернизации общественной и личной жизни) привело к резкому и опасному снижению физического, а значит и психического, здоровья человечества;
- отрицание онтологического статуса закона справедливости резко снизило планку общественной и личной нравственности;
- разрушилось целостное пространство жизни человека: семья – род – община – этнос – мир перестали быть единой связующей его нитью;
- творчество перестало быть естественным процессом в жизни каждого человека, но уделом немногих;

- позитивное мировосприятие ушло в самые глубины коллективного бессознательного, на поверхности общественного сознания оно проявилось в относительном безразличии к судьбе родной земли и этноса, но стало проявляться в выраженном этническом *неврозе неполноценности или неврозе своеобразия*;

- представители индустриальной цивилизации утратили целостность тела, души, сознания, что, естественно, проявилось в индивидуальных неврозах как следствии формирования экзистенциального вакуума;

- многие этносы утратили чувство этнической целостности и солидарности, что проявилось в невротических реакциях повышенной мнительности и конфликтности и т.д.

- наконец, этническая культура перестала быть естественным животворящим пространством существования этноса и каждого человека, отношение к ней стало на одном полюсе отрицательным (как к примитивной и отсталой), в лучшем случае – безразличным, на другом – «полем последней битвы» немногочисленной этнической интеллигенции.

В то же время, несмотря на существенные потери и противоречия, этническое возрождение народов России последнего десятилетия XX – начала XXI вв. показывает, насколько сильны в индивидуальном и коллективном бессознательном этнические и общечеловеческие архетипы. Это проявляется, в первую очередь, в том, что возрождение этнической культуры (языка, традиций, обычаев, праздников с их выраженным сакральным содержанием) становится проблемой и болью практически всех этносов страны.

Нет необходимости перечислять конкретные и зримые достижения в этой области. Серьезные позитивные перемены происходят и в этническом самосознании, в первую очередь, выраженные в доминировании и значимости таких ценностей как *родная земля и народ*. Однако главным позитивным достижением последних лет, на наш взгляд, можно считать то, что все больше представителей этносов видят себя *лично ответственными* за возрождение этнической культуры как важнейшего фактора сохранения и возрождения народов. Это проявляется, в частности, в том, что:

- инициативой самих народов стало создание новых студий, творческих коллективов, развивающих национальную культуру с приобщением к опробованным мировым образцам;
- в активном участии в массовых мероприятиях как гражданского, культурного, так и сакрального характера;
- в серьезной озабоченности в сохранении преемственности развития этнической культуры, в том числе, через освоение и присвоение ее молодежью.

Таким образом, современное состояние этнической культуры народов России можно характеризовать как многообещающий процесс *начала оздоровления этносов* через восстановление этнических культур. Этот процесс развивается в рамках неотрадиционализма как ресурса развития этнической культуры.

Исследование такого сложного явления как культура требует выделения ее универсальных свойств, этапов развития как целостной системы в пространстве и во времени, при этом важно «не утонуть» в конкретике составляющих ее этнических культур. С другой стороны, за уникальными свойствами каждой этнической культуры необходимо увидеть определенные закономерности и этапы ее развития в едином общечеловеческом контексте.

В первом случае требует анализа проблема возникновения, функционирования и развития культуры как общечеловеческого феномена. *В генетическом аспекте культурой принято считать все созданное самим человеком из природного материала, сопровождающееся процессом нарастающего господства над природой и осмысления мира и самого себя, выраженного в формирующемся мифологическом сознании.*

Анализ такого явления как культура человечества во времени и пространстве требует особой смелости в силу сложности и многогранности объекта исследования. Выходом из этой «патовой ситуации» может стать выделение какого-либо из аспектов ее развития, например, мировоззренческих оснований развития культуры в процессе ее взаимодействия с природой.

В целом развитие культуры как целостности *во времени*, на наш взгляд, прошло четыре крупных периода:

- возникновение и развитие культуры совпадает с процессом зарождения человеческого общества, когда культурой становится все то, что создано человеком в отличие от природы; с дру-

гой стороны, сама природа (в первую очередь природа самого человека) становится тем первичным пространством, в котором разворачивается культурная, собственно человеческая деятельность;

- по мере развития человеческого общества культура все больше обособляется в особую открытую самоорганизующуюся систему со своими собственными законами и перспективами развития, оттесняя природу на периферию жизненного пространства человечества; культура становится практически единственным фактором самоопределения и самореализации личности;

- культура, возникнув на единых природных основаниях и в силу этого разработав общие мировоззренческие принципы, зафиксированные в архетипах коллективного бессознательного, мифологии, религии, философии, по мере развития все больше дифференцировалась по этническим и социальным критериям и создала «многоцветную мозаику» общечеловеческого культурного пространства;

- во второй половине XX века проявилась ситуация, которая в рамках синергетической парадигмы может быть охарактеризована как пребывание в точке бифуркации, когда развитие общества за счет уничтожения природного компонента жизненного пространства ведет к реальной опасности самоуничтожения; в этих условиях культура может стать как фактором уничтожения, так и самосохранения человека, общества и природы.

Анализ развития культуры человечества как целостности *в пространстве* сталкивается с проблемой корреляции культурных матриц (кодов) сообществ различной степени взаимной включенности друг в друга, существующих «здесь и теперь». Процесс взаимодействия культур в условиях глобализации и порожденных, в том числе ею, социальных трансформаций приводит к новым противоречиям:

- общечеловеческая культура, интенсивно складывающаяся в условиях глобализации, нивелирует этнокультурные различия;

- несовпадение культурных и цивилизационных матриц различных народов, включенных в региональные и государственные образования, приводит к тому, что в каждом регионе складывается свое, уникальное этнокультурное пространство;

- региональное этнокультурное пространство испытывает на себе влияние исторических, демографических, политических, социально-экономических и собственно этнокультурных факторов;

- наконец, этническая культура, находясь под прессом всех вышеперечисленных факторов, оказывается наиболее уязвимой в условиях социальных трансформаций, порожденных не только глобализацией, но и состоянием собственной *целостности*.

Процесс глобализации воспринимается по-разному: от стремления ускорить этот процесс и придать ему необратимый характер до категорического неприятия и желания вернуться в эру господства традиции.

Глобализация усилила интерес к традиции как механизму сохранения этнической идентичности. Появились тенденции, возрождающие этнический традиционализм как «ответ» на вызов глобализации.

Этнический традиционализм – это ориентация индивидуального, группового или общественного сознания на традиционные, т.е. устойчивые, исторически апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения.

Основные характеристики этнического традиционализма:

- абсолютизация и консервация этнических ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений;
- отказ от принятия инноваций извне и изнутри социума;
- непротиворечивое единство уровней общественного и индивидуального сознания (рациональный, эмоциональный, подсознательный, религиозный).

В то же время выявилось немало приверженцев этнического модернизма.

Этнический модернизм – ориентация общественного сознания этноса на достижение уровня наиболее развитых народов. Модернизация, как правило, проводится с использованием опыта, накопленного передовыми странами при их технологической, политической и финансовой поддержке.

Определить уровень развитости государств с различным способом культурной и политической организации, специфической экономикой и образом жизни непросто. В науке до сих пор нет единого подхода к определению различных параметров и развитости страны в целом. В том случае, если за основу принимается экономическая сфера, то вопрос достаточно прост. Практически развитостью в настоящее время считается уровень

государств западной культуры. Если же рассматривать развитость с других позиций: удовлетворен ли человек своей жизнью? счастлив ли он? – то все становится еще сложнее.

Ценностями этого мира считаются постиндустриальные технологии, наличие развитой демократии в форме правового государства, высокий уровень жизни населения, доступность образования, массовой культуры, медицинской помощи и т. д. В процессе модернизации в настоящее время участвует несколько групп стран восточной культуры, которые к концу XX в. добились значительных технологических сдвигов. Успехи стран т.н. «золотых драконов» (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Китай) исследователи связывают с умением сочетать модернизацию и исторически сложившиеся устойчивые, апробированные ценности, формы жизнедеятельности, социальные отношения, т.е. традиции.

Этнический неотрадиционализм – это ориентация индивидуально-группового или общественного сознания на ревитализацию традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса в модернизационные процессы для обретения этносом целостности во времени и в пространстве.

К проявлениям этнического неотрадиционализма могут быть отнесены актуализация моноэтнических браков, повышение ценности родного языка, рост популярности «своих» имен либо имен на двух языках, этнической атрибутики в одежде и причёске, национальной кухни, возрождение этнопедагогики, усиление кланово-родовой идентификации, распространение неошаманизма, осовремененных форм язычества и традиционных верований и проч.

Этнический неотрадиционализм также представлен на различных уровнях: рациональном, эмоциональном, на уровне подсознания, религиозном уровне.

В отличие от этнического традиционализма, они находятся в противоречивом отношении друг к другу. Достаточно часто мы сталкиваемся с различными вариантами: традиции возрождаются т.н. акторами этнического возрождения, исходя из рациональных причин – мобилизации народа и повышения уровня этнической солидарности. Часть участвующих в религиозных ритуалах не испытывают эмоциональной сопричастности, другие – не верят в сакральный смысл происходящего...

Таким образом, этнический неотрадиционализм в конечном счете направлен на сохранение и развитие этнической идентификации.

Этническая идентификация означает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности, значимость членства, разделяемые этнические чувства, ее оценка в сравнении с другими.

Основой этнической идентификации является совокупность таких объективных этнодифференцирующих признаков, как общность языка, общие черты материальной и духовной культуры, а также субъективных характеристик (особенности национального характера, автостереотипы, наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, религия, отличающая членов одной этнической группы от другой).

Возможности сохранения многообразия культур, поддержания равновесия между миром традиционных, этнических и миром современных культур в условиях формирования единого информационно-коммуникативного пространства могут быть созданы, по мнению специалистов, с помощью разработки соответствующей государственной культурной политики, основанной на этническом неотрадиционализме.

Основные функции этнического неотрадиционализма в этих условиях могут быть:

- сохранение этнической идентификации;
- укрепление этнической солидарности;
- адаптация к модернизационным процессам.

В конечном счете, этнический неотрадиционализм ведет к обретению этносом целостности во времени и пространстве, возрождению и конструированию неэтничности. Однако это явление крайне противоречиво и требует серьезного осмысления на уровне феномена и конкретных явлений.

Этнический неотрадиционализм проявляется в различных формах.

1. Этнополитический неотрадиционализм проявляется в символах власти (герб, гимн и пр.), формах политического устройства.
2. *Этноэкономический неотрадиционализм* выражен в активизации форм и способов традиционной хозяйственной деятельности.
3. *Этноэкологический неотрадиционализм*, как традиционно бережное отношение к родной земле, всегда было связано с ее сакрализацией.
4. *Этнокультурный неотрадиционализм* проявляется в ревитализации культурных символов, традиций, ритуалов.

5. *Этноконфессиональный неотрадиционализм* отражается в стремлении восстановить традиционную религию в возможно более полном объеме – как формы общественного сознания, культовой практики, религиозных отношений, социальных институтов.

6. *Этнопедагогический неотрадиционализм* востребован в процессе социализации личности на основе традиционных ценностей, как на уровне семьи, так и в системе образования.

Этнический неотрадиционализм проявляется также в *повседневности*. Национальная пища, одежда, нормы поведения в быту, традиции отношений между полами и представителями различных возрастов, традиции гостеприимства и пр. все больше востребованы народом.

Анализ этнического неотрадиционализма как ресурса формирования *целостности этноса во времени и пространстве, повышения его субъектности*, позволяет, помимо серьезных достижений, которые мы представили выше, отметить и существенные противоречия в его проявлении.

Этнический неотрадиционализм пока носит скорее *символический противоречивый характер*, оставаясь на поверхности сознания большинства членов народа, само же культурное наследие характеризуется неполнотой (а порой и прямым искажением) проявления традиции.

Тем не менее, в своей главной цели – в стремлении адаптировать традицию к новой социальной реальности – этнический неотрадиционализм представлен как реальный феномен социальной жизни этносов и социокультурного пространства регионов

© Л.В. Анжиганова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Этнический менталитет как компонент психического склада этноса

М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов. *Бухарский государственный университет, Бухара*

Современное общество является полиэтническим, и повседневное сосуществование и необходимость успешного взаимодействия представителей разных культур актуализируют потребность в переосмыслении сущности этнического менталитета, поиске новых подходов к его оценке, способствующих эффективному взаимодействию представителей разных культур.

Актуальность исследования социально-психологических особенностей этнического менталитета связана с нынешним обострением межэтнических отношений, кризисными явлениями в развитии самосознания и культуры. Интерес исследователей к проблеме психологии этнических различий, менталитета и межэтнического понимания продиктован насущными потребностями современной действительности. Понимание этнических особенностей своего народа, интерес к культуре и ценностям других народов способствует осознанию равноправия различных культур, важности места и роли каждого народа в историческом развитии, помогает выработать взаимоуважительные принципы межкультурного общения и взаимоотношений, преодолеть межэтнические барьеры.

Несмотря на обилие этнопсихологических исследований, по нашему мнению, менее изученным в социальной психологии остается один из основных компонентов психического склада этноса – его менталитет. Этнический менталитет – это система взаимосвязанных образов, которые лежат в основе коллективных представлений этноса о мире и о своем месте в мире. Эти устойчивые образы оказывают значимое влияние на конфигурацию других компонентов психического склада этноса. Этнический менталитет играет исключительно важную роль в процессе формирования, структурирования (на генетическом, геносоциальном и социальном уровнях) и развития психического склада этноса, выполняет функцию обеспечения его стабильности.

Основной функцией этнического менталитета является функция обеспечения стабильности психического склада этноса; к другим специфици-

ческими ментальным функциям относятся: функция сохранения культурных и гносеологических стереотипов и целеориентирующая функция.

Структурирование психического склада этноса позволит нам определить специфику понятия «этнический менталитет» и отделить это понятие от таких часто отождествляемых с ним понятий как, например, «национальный характер», проследить связи между менталитетом и этими элементами, и наконец, осмыслить сущность понятия «этнический менталитет», которое невозможно без понимания места и роли менталитета в структуре психологического склада этноса.

Понятие «психический склад этноса» – наиболее общая его психологическая характеристика, ведь классическим определением этноса является следующее: «этнос есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявлявшегося в общности культуры» [1, с. 100] или, если упрощенно, «этнос – это группа людей, связанных общностью экономической жизни, территории, языка, психического склада» [2, с. 63]. Понятие «психический склад этноса» как его наиболее общая психологическая характеристика пересекается, а часто и отождествляется с такими понятиями как «национальный психический склад», «психический облик нации», «национальная психология», «психология нации», «национальная психика». Методологической базой дефиниции психического склада этноса послужили труды этнопсихологов и, прежде всего, отечественного этнопсихолога В.Г. Крысько [1; 2; 3]. Перечисляя системообразующие компоненты психологии нации, В.Г. Крысько упоминает об этническом самосознании, этнических интересах и ориентациях, этническом характере и темпераменте, этническом складе ума, этнических чувствах, традициях и привычках [1, с. 135; 3, с. 186-187].

Одним из базовых компонентов психологии общества В.Г. Крысько считает менталитет общества [3, с. 74]. Вполне логично предположить, что если менталитет общества является базовым компонентом психологии общества, то этнический менталитет является базовым компонентом психологии этноса. Необходимо отметить, что этнический менталитет считают важнейшим компонентом этнопсихики ряд таких отечественных этнопсихологов, как Т.Г. Стефаненко, И.Г. Дубов, В.С. Кукушкин, Л.Д. Столяренко и др. Во-вторых, одним из системообразующих элементов этнопсихики являются этнические стереотипы. В.Г. Крысько упоминает о этностереотипах поведения как о составной части этнических традиций и привычек. На наш взгляд, такое сужение этнических стереотипов лишь до стереотипов пове-

дения является вряд ли оправданным. К этому следует добавить, что важную роль этностереотипам как элементам этнопсихики отводили такие отечественные этнопсихологи как Т.Г. Стефаненко, Е.П. Белинская, Ю.В. Платонов, З.В. Сикевич и др.

Таким образом, психический склад этноса можно определить следующим образом: это – неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств каждого конкретного этноса, образующее устойчивое единство, и отражающее то общее, что есть у ее этнической общности в следующих системообразующих элементах: этнический менталитет, этнический склад ума, этнический темперамент и характер, этностереотипы, этнические чувства, интересы и ориентации, этническое самосознание, традиции и обычаи.

Необходимо отметить, что в реальной действительности в жизнедеятельности этноса все этнопсихологические особенности выступают как нерасчленимое целое, поэтому разделение психического склада этноса возможно лишь в абстракции, как методический прием, необходимый для их более детального изучения.

Литература

1. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. – М., 2002.
2. Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. – СПб., 2003.
3. Крысько В. Г. Социальная психология в схемах и комментариях: Учеб. пособие. – СПб., 2003.
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – М., 2003.

© М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов, 2014.
© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.923.2; 159.9

Формирование этничности ценностно-потребностной сферы личности в подростковом возрасте

Н.В. Василец. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Вопросы изучения этносов сегодня очень актуальны, однако, в условиях современной полиэтнической среды, когда личность не может формироваться только в пространстве своей этнической культуры, реальную этническую принадлежность человека определить очень сложно.

Согласно ст. 26 Конституции РФ, человек может сам определять свою этническую принадлежность, и в моно-этнических семьях проблем с самоопределением не возникает. В поли-этнической семье у ребенка возникает дилемма: а к какому этносу он принадлежит? Очень важен этот вопрос при проведении этно-ориентированных научных исследований. Поскольку в научных исследованиях этносов формирование выборки происходит на основе самоидентификации респондентов, нередко происходит подмена самого предмета исследования, так как в условиях современной полиэтнической среды человек сам не всегда знает свою истинную этническую принадлежность. В результате, исследуя группу людей, самоидентифицирующихся как русские, нельзя быть уверенным в том, что исследуется русский этнос. Для того чтобы хоть как-то прояснить вопрос определения этничности человека, необходимо понять, каким образом она формируется, что оказывает на этот процесс наибольшее влияние.

Согласно учению примордиализма, этничность есть объективная данность, изначальная характеристика человека. Иными словами, это нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Она неизменна, как пол или раса. Этничность является органическим образованием – вещью, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться.

Конструктивизм исследует этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Такая этничность не наследуется генетически, ей научаются, то есть, человек обретает ее в процессе социализации.

С точки зрения концепции ценностно-потребностной сферы личности и этноса эти два подхода являются составными частями одного целого

– этничности человека: этнические архетипы коллективного бессознательного передаются ребенку в готовом виде при рождении, а в процессе социализации происходит сознательная идентификация человека с определенным этносом. То есть, в учении примордиализма речь идет о понятии «этническая идентичность», познание которой происходит в процессе индивидуации. А конструктивизм оперирует понятием «этническая идентификация», которая формируется в процессе социализации, а затем становится автоматизированным бессознательным стереотипом социального поведения [В.Г. Морогин, К.В. Морогина, 2012].

Идентичность и идентификацию можно охарактеризовать через структуру и содержание общественных и родовых ценностей различных этносов, применяя для этого автоматизированный компьютерный комплекс методик, разработанный в рамках концепции ценностно-потребностной сферы личности и этноса (В.Г. Морогин). Данный комплекс позволяет определить не только содержание ценностей, приобретенное в процессе идентификации, но и врожденные потребности, представляющие собой ценностное содержание этнической идентичности. В результате тестирования определяются две ценностные иерархии: врожденная и приобретенная в процессе социализации. Формально обе иерархии представлены одними и теми же ценностями, но положение этих ценностей в двух иерархиях может оказаться прямо противоположным, в зависимости от родового и приобретенного в процессе социализации потребностного содержания.

Исследования показывают, что основным фактором, определяющим этничность ребенка, является семья и семейные ценности. В идеале этническая идентичность и этническая идентификация человека должны совпадать, но это возможно лишь в ситуации, когда несколько поколений семьи являются носителями коллективного бессознательного только одного этноса и проживают в условиях своей этнической культуры. На сегодняшний день такие семьи – явление, увы, уникальное.

Основным и очень важным этапом формирования ценностно-потребностной сферы личности является подростковый возраст. Именно в этот период происходит критическая переоценка приобретенного содержания ценностей и его внутреннее согласование с неосознаваемыми врожденными потребностями. Идентификацию нельзя рассматривать без учета идентичности, поскольку это две части единого целого. Идентичность выступает своего рода опорой для личностного становления, для определения своего места в этом мире. Поскольку этническая идентичность не осознается, но «запечатлена» в человеке, то в процессе этниче-

ской идентификации она играет очень существенную роль. Так как изначально процесс идентификации – это преимущественно сознательный процесс, то очень важно, чтобы у подростка в этот период были достойные ориентиры – вот почему так важно знать родословную и свои корни. Только имея достаточно информации, подросток сможет безболезненно выстроить свою индивидуальное содержание ценностей и пройти процесс идентификации. Если же ориентиры выбраны неверно, скорее всего, генетически унаследованное содержание ценностей войдет в противоречие с приобретенными в процессе социализации потребностями, что выразится в форме внутриличностного конфликта.

Уже общепринятым считается мнение, что подростковый возраст является самым сложным и трудным. Именно с этим возрастом связано наибольшее количество социальных проблем: от мелких правонарушений до суицидов. Такое поведение есть не что иное, как внешнее проявление внутриличностного конфликта подростка. Можно предположить, что это напрямую связано с проблемами в современной семье.

Действительно, подросток на перепутье, он ищет ценностные ориентиры, которые, прежде всего, заложены в семье и родителях. Если этот процесс идет естественным путем, то есть, подросток знает своих предков, их этническую принадлежность и жизненную мотивацию, он, сопоставляя себя с ними, определяет свое место, и в семье, и в обществе. Процесс идентификации протекает успешно и особых проблем, традиционно связываемых с подростковым возрастом, не наблюдается, личность подростка формируется гармонично. Если же семья неполная, либо не выполняет своих основных функций и подросток не имеет ориентиров для самоопределения, процесс идентификации затрудняется, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Переданные ему генетически архетипы коллективного бессознательного рода не находят отклика в процессе социализации, вследствие чего формируется внутриличностный конфликт, выражающийся в девиантном поведении.

Смешанные браки приводят к размыванию анрототипа и психотипа этносов, поэтому, сегодня при определении этничности нельзя опираться только на эти признаки. Этничность каждый человек определяет для себя сам, то есть, идентификация играет решающую роль, но этнические архетипы передаются при рождении, а значит, этническая идентичность, переданная генетически, обязательно влияет на этот процесс. Для уменьшения вероятности возникновения внутриличностных конфликтов на этой почве необходимо, чтобы человек имел четкие сознательные ориентиры. В по-

вседневном общении с матерью и отцом, знакомясь с судьбами и характерами предков, на уровне неосознанного чувствования человек выберет то, что ближе к его внутренним врожденным установкам. Только в этом случае процесс этнической самоидентификации приведет к формированию гармоничной личности.

В этой связи ситуация с современной семьей отображает истинный масштаб национальной катастрофы: по неофициальным данным лишь четверть подростков воспитываются в полных семьях родными родителями. Официальной статистики по этому вопросу нет. При оценке благополучия ребенка учитывается масса разных критериев – от материального положения семьи, до наличия возможности посещать различные кружки или спортивные секции. Основной же критерий благополучного и гармоничного формирования личности ребенка – воспитание в полной семье родными родителями – в официальной статистике вообще не фигурирует. А это значит, что лишь четверть подростков имеют возможность бесконфликтного формирования собственной ценностно-потребностной сферы личности и успешной этнической самоидентификации, но официальные органы власти даже не рассматривают этот критерий.

Если не изменить политику государства и не принимать целенаправленных мер по сохранению целостности семьи, то вскоре станет некорректным ставить вопрос об изучении отдельных этносов, поскольку отнесение себя к определенному этносу для большинства населения уже сегодня является очень условным.

Литература

1. Бучек А.А. Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 5(19). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.09.2013). 0421100116/0053.
2. Василец Н.В., Морозин В.Г. Этничность ценностно-потребностной сферы личности // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 8-11.
3. Гармаева Т.В. Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч.

журн. 2010. N 2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.09.2013). 0421000116/0015.

4. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная структура идентификации и идентичности // Этноты развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г.Морогина. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им.Н.Ф.Катанова», 2012. С. 3-10.

5. Морогин В.Г., Морогина К.В. Язык как отражение родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса // Этноты развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.Г.Морогина. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им.Н.Ф.Катанова», 2012.

© Н.В. Василец, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316; 159.922.6

Регрессионный анализ ценностно-потребностных индикаторов тревоги у представителей этнически однородной и смешанной популяций юношеского, зрелого и пожилого возраста

А.С. Давыдов. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Минусинск*

Переживание тревоги тесно связано с состоянием индивидуальной системы потребностей и ценностей человека. Ролло Мэй [4] полагал, что внутриличностный конфликт и тревога вызывается фрустрацией потребностей, связанных с ценностями, жизненно важными для существования личности. Хорни, Салливан, Маурер [4] пришли к выводу, что сама по себе

фрустрация не может быть причиной конфликта, скорее следует поставить вопрос: каким жизненно важным ценностям угрожает фрустрация?

Таким образом, чтобы диагностировать тревогу и обнаружить обусловивший её конфликт, необходимо:

- определить ценностно-потребностную структуру личности;
- выявить наиболее важные ценностные зоны;
- проверить, подвергаются ли они фрустрации.

Выполнить указанные задачи позволяет «Система экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ)», созданная проф. В. Г. Морозовым [2]. Она представляет собой комплекс экспериментально-психологических методик тахистоскопического предъявления, субъективной оценки времени экспозиции, попарного проективного сравнения личностно значимых ценностей, а также исследования ассоциативных реакций на эти ценности, разработанных для изучения содержания родовой и общественной подструктур ЦПСЛ.

Каждая из этих подструктур включает в себя 8 экспериментально выделенных ценностно-потребностных зон:

1. Гедонистическая зона (Гед) – потребности, реализующие принцип удовольствия;
2. Зона безопасности (Без) – потребности, отражающие субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий;
3. Эго-зона (Эго) – потребности, определяющие индивидуальное стремление и амбиции, доминирование эгоистических интересов;
4. Экзистенциальная зона (Экз) – потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и определяющие отношение личности к властным институтам;
5. Аффилиативная зона (Афф) – потребности в межличностных взаимодействиях, обусловленных стремлением занять определённое положение среди других;
6. Когнитивная зона (Ког) – интеллектуальные и познавательные потребности, отражающие направленность на активную умственную деятельность;
7. Ритуальная зона (Рит) – потребности, связанные с традициями и отправлением официальных ритуалов, детерминирующие конформное поведение человека;

8. Трансцендентальная зона (Тра) – потребности личностного роста, ориентирующие на творческое и духовное самосовершенствование.

Методика позволяет для каждой зоны количественно определить 6 индикаторов ценностно-потребностной сферы личности (ЦП-индикаторы).

В методиках тахистоскопического предъявления используется два ценностно-потребностных индикатора:

- «т» - количество опознаваемых ценностей при одновременном их предъявлении (методика «тахистоскоп»);
- «к» - количество опознаваемых ценностей при последовательном их предъявлении (методика «калейдоскоп»).

Методики попарного проективного сравнения личностно значимых ценностей также содержат два ЦП-индикатора:

- «з» - количество выборов наиболее значимых ценностей;
- «д» - количество выборов наиболее доступных ценностей.

Методика субъективной оценки времени экспозиции ценностей позволяет диагностировать один ценностно-потребностный индикатор: «э» - время экспозиции ценностей, которое испытуемый определяет по своим «внутренним часам».

В методике оценки времени ассоциативной реакции на личностно значимые ценности используется один индикатор: «а» - время, которое затрачивает испытуемый на формулирование ассоциации для предъявляемой ценности.

Каждый из этих 6 индикаторов может быть количественно зафиксирован в каждой из 8 ценностно-потребностных зон и обозначен комбинацией символа, его обозначающего, и первых трех букв названия соответствующей зоны ЦПСЛ, например: тЭкз, кБез, дАфф, зКог, эРит, аГед. Таким образом, всего в исследовании фигурировало 48 возможных ценностно-потребностных индикаторов тревоги.

Регрессионный анализ проводился с целью выявления, какие ценностно-потребностные индикаторы и в какой степени позволяют определять тревогу у представителей различных этнических групп в молодом, зрелом и пожилом возрасте.

Вся выборка испытуемых была разделена на две группы:

- этнически однородная – «русские» (и отец, и мать принадлежат к русскому этносу);

- смешанная популяция – «метисы» (хотя бы один из родителей принадлежит к этносу, отличному от русского).

Вторая группа менее однородна по этническому составу, чем первая, что подтвердилось и статистическими показателями вариативности исследуемых переменных: среднее значение σ в моноэтнической группе – 3,29, в смешанной – 4,22.

Выборка представлена сотрудниками КГБОУ СПО «Красноярский краевой колледж культуры и искусства» и членами их семей, а также студентами очного и заочного отделений, добровольно согласившимися участвовать в эксперименте.

Объем экспериментальной группы 102 испытуемых, в том числе:

- 74 – моноэтнических (русских), 28 – этнически смешанных (метисов);
- 37 – молодых, 15-25 лет (25 русских, 12 метисов); 32 – зрелого возраста, 35-45 лет (27 русских, 5 метисов); 33 – пожилых, старше 55 лет (22 русских, 11 метисов).

Было установлено [3], что для молодого, зрелого и пожилого возраста существуют уникальные комбинации ценностно-потребностных индикаторов тревоги. Теперь требуется выяснить, можно ли выделить подобные комбинации в отношении моноэтнических и смешанных групп.

В качестве экспериментальных гипотез были выдвинуты следующие предположения:

- состояние тревоги у русских и метисов в каждой возрастной группе определяется уникальным набором ценностно-потребностных индикаторов;
- наиболее универсальным индикатором тревоги является ценностно-потребностная зона безопасности.

Первым шагом статистического исследования был корреляционный анализ ценностно-потребностных индикаторов и общей тревоги (фОбщ) по каждой возрастной группе как в целом, так и отдельно для русских и метисов с целью выявления статистически достоверных корреляционных связей. Затем проводился регрессионный анализ в отношении только тех индикаторов, которые статистически значимо коррелируют с показателем тревоги, поскольку проведение полного статистического исследования всех 48 возможных ЦП-индикаторов практически трудно осуществимо и имеет мало смысла.

В группе «молодых» от 15 до 25 лет обнаружена корреляция общей тревоги с ценностно-потребностными индикаторами тЭкз, кБез, тРит, кГед. Однако регрессионный анализ показал, что общая тревога достоверно определяется ($p < 0,05$) только тремя ценностно-потребностными индикаторами. Усиление тревоги провоцируют тЭкз и кБез (коэффициенты регрессии 2,54 и 2,37 соответственно), а тРит – её уменьшение (коэффициент регрессии -2,36). Уравнение регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{все.мол.}) = 122,56 + 2,54t_{\text{Экз}} - 2,36t_{\text{Рит}} + 2,37k_{\text{Без}}$.

У русских участников эксперимента молодого возраста выявлена корреляция общей тревоги с ценностно-потребностными индикаторами тЭкз, кБез, тРит, кГед. Регрессионный анализ показал, что общая тревога определяется ($p < 0,05$) всеми четырьмя ценностно-потребностными индикаторами. Усиление тревоги обусловлено тЭкз и кБез, коэффициенты регрессии 2,73 и 2,25, а её уменьшение – тРит и кГед, коэффициенты регрессии -2,56 и -1,59. Формула регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{рус.мол.}) = 125,63 + 2,73t_{\text{Экз}} - 2,56t_{\text{Рит}} - 1,59k_{\text{Гед}} + 2,25k_{\text{Без}}$.

В группе молодых метисов общая тревога коррелирует с ценностно-потребностными индикаторами кБез, кЭкз, кРит. С помощью регрессионного анализа обнаружена прямая зависимость увеличения показателей тревоги с ростом кБез ($p < 0,01$, коэффициент регрессии 1,94), и их уменьшения с ростом тРит ($p < 0,05$, коэффициент регрессии -2,97). Значимое влияние кЭкз на общую тревогу не установлено. Формула регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{мет.мол.}) = 141,93 + 1,94k_{\text{Без}} - 2,97k_{\text{Рит}}$.

В целом у русских и метисов зрелого возраста с общей тревогой коррелирует лишь ценностно-потребностный индикатор тКог. Регрессионный анализ показывает отрицательную зависимость от него общей тревоги в возрасте от 35 до 45 лет с коэффициентом -3,11. Формула регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{все.зре.}) = 155,38 - 3,11t_{\text{Ког}}$.

У русских зрелого возраста установлена корреляция кГед, дАфф, дКог с общей тревогой. Но согласно данным регрессионного анализа статистически значимо ($p < 0,05$) тревога зависит только от дКог (коэффициент регрессии 3,14). С ростом данного ценностно-потребностного индикатора тревога уменьшается. Формула регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{рус.зре.}) = 136,40 - 3,14d_{\text{Ког}}$.

Если регрессионный анализ проводить по каждому коррелирующему индикатору в отдельности, то только один ценностно-потребностный индикатор кГед связан с ростом общей тревоги ($p < 0,05$). Формула регрессии: $f_{\text{Общ}}(\text{рус.зре.}) = 114,39 + 1,86k_{\text{Гед}}$.

В группе метисов зрелого возраста выявлена корреляция трёх ценностно-потребностных индикаторов кБез, зЭго, зРит с общей тревогой. Но статистически значимые результаты ($p < 0,05$) получены только при проведении регрессионного анализа отдельно по кБез (обратная зависимость) и группе зЭго-зРит (прямая зависимость). Формулы регрессии: $\phi_{\text{Общ}}(\text{мет.зр.}) = 182,35 - 4,46\text{кБез}$; $\phi_{\text{Общ}}(\text{мет.зр.}) = 76,68 + 8,53\text{зЭго} + 2,41\text{зРит}$.

В целом в группе пожилых людей возраста старше 55 лет с общей тревогой коррелирует только ценностно-потребностный индикатор кТра. Регрессионный анализ даёт прямую зависимость с коэффициентом 2,02 ($p < 0,05$). Формула регрессии: $\phi_{\text{Общ}}(\text{все.пож.}) = 133,97 + 2,02\text{кТра}$.

У пожилых русских с общей тревогой коррелирует ценностно-потребностный индикатор аГед. Регрессионный анализ выявил прямую зависимость с коэффициентом регрессии 0,45. Формула регрессии: $\phi_{\text{Общ}}(\text{рус.пож.}) = 138,62 + 0,45\text{аГед}$.

У пожилых метисов установлена корреляция с общей тревогой ценностно-потребностного индикатора дБез. Регрессионный анализ выявил обратную зависимость с коэффициентом регрессии -1,49. Формула регрессии: $\phi_{\text{Общ}}(\text{мет.пож.}) = 147,29 - 1,49\text{дБез}$.

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Данные регрессионного анализа ценностно-потребностных индикаторов тревоги

Независимые переменные	фОбщ (зависимая переменная)							
	Русские				Метисы			
	Мол (тЭкз-тРит-кГед-кБез)	Зре (кГед)	Зре (кГед-дАфф-дКог)	Пож (аГед)	Мол (кБез-кЭкз-кРит)	Зре (кБез)	Зре (зЭго-зРит)	Пож (дБез)
Intercept	125,63	114,39	136,40	138,62	141,93	182,35	76,68	147,29
тЭкз	+2,73 0,32 p=,017							
тРит	-2,56 -0,28 p=,035							
кГед	-1,59 -0,34 p=,034	+1,86 0,39 p=,045						
кБез	+2,25 0,39 p=,019				+1,94 0,58 p=,006	-4,46 -0,89 p=,038		
кРит					-2,97 -0,52 p=,028			
дБез								-1,49 -0,64 p=,048
дКог			-3,14 -0,48 p=,012					
зЭго							+8,53 0,58 p=,022	
зРит							+2,41 0,45 p=,036	
аГед				+0,45 0,51 p=,018				

Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом:

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тРит означает, что рост роли потребностей, связанных с конформным поведением, соблюдением традиций и ритуалов, снижает общую тревогу. В самом деле, конформизм вызывает одобрение той части общества, в которой такие формы поведения сформированы или поддерживаются, что способствует усилению ощущения принадлежности и, как следствие, защищённости. Даже в пословицах и поговорках закреплена

такая связь коллектива и ощущения силы и безопасности: один в поле не воин, веник сломать труднее отдельных прутьев. Общество формирует у человека зависимость от него самого: хочешь быть в безопасности, объединяйся; соблюдай наши правила, будь как все, и мы тебя защитим. А поскольку молодёжь наиболее склонна к принадлежности какой-либо группе, именно в молодом возрасте проявляется зависимость снижения общего страха от соблюдения традиций, обычаев, этикета, субординации. Эти ценности преобладают у более, чем 70% молодых испытуемых. Та часть молодёжи, которая кажущемуся им чем-то неопределённым государству предпочитает конкретные малые общественные группы (а те могут и противопоставлять себя государству), испытывает меньшую тревогу, так как доверяет своей группе больше, чем государству.

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора КГед показывает, что общая тревога снижается при усилении потребности в получении удовольствия. Чем меньше выражена потребность в получении удовольствия, тем больше удовлетворённость своим существованием, которая вряд ли возможна в состоянии опасности. Человек в основном стремится удовлетворять свои потребности: если чувствует угрозу, пытается обеспечить безопасность; испытывая необходимость в соблюдении традиций, обычаев, субординации, скорее всего, не будет противиться данным требованиям; нуждаясь в обществе, государстве, старается жить по установленным ими правилам. Однако, вместе с потребностью в получении удовольствия, человек обладает способностью отказывать себе в ее удовлетворении, если эта поведенческая форма находит поддержку общества и государства. Например, увлекаясь работой или получением дохода, люди могут годами не брать очередной отпуск, ради интересного дела отказывают себе во сне, а формируя идеальную фигуру – в пище. Нет, кажется, никакого удовольствия, от которого человек не способен отказаться, если для него существуют иные, более значимые ценности. Есть случаи отказа даже от наркотиков, хотя достоверно известно, что употребляющие их получают небывалое наслаждение. А ведь подавляющее большинство злоупотребляющих табаком, алкоголем, наркотиками приобретают зависимость именно в молодом возрасте. Вероятно, они-то и испытывают страх, который может быть обусловлен опасением лишиться объекта зависимости. По мнению А. Маслоу отказ от достижения насущной цели, от удовлетворения жизненно важной потребности угрожает психологическому благополучию человека. [1] У таких молодых людей потребность в удовольствии низка, ведь они её легко удовлетворяют с

помощью наркотических веществ, а легко доступное особой ценности не представляет. А те, у кого потребность в получении удовольствия высока, способны вместо «чистого» удовольствия получать его опосредованно: от общения, творчества, принадлежности к определённой группе, удовлетворительных взаимоотношений с окружающими и т.п. А удовлетворённость достижением жизненно важных целей, которые представляют истинную ценность, снижает общий страх.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тЭкз говорит о том, что тревога увеличивается при росте значимости потребности личности удовлетворять требования общества и государства. В настоящее время молодые россияне склонны воспринимать государство как фантастическую дойную корову, которую можно почти не кормить, но молока от неё получать вдоволь. От него ждут повышения зарплаты, пенсии, стипендии, различных социальных выплат, снижения налогов, лучшей защиты, обучения, медицинского обслуживания, не задумываясь над тем, что государство – не всемогущий бог, а всего лишь одна из форм управления обществом, которую приняли живущие на определённой территории народы. Такое отношение к государству у молодых людей вызвано тем, что им необходима внешняя сила, которая обеспечит всё необходимое, что они не способны получить самостоятельно. Отчётливо проявляется недоверие к государству, ставятся под сомнение те ценности, которые являются наиболее значимыми для 78% молодёжи: правда – двоякая, справедливость – недостижима, закон – что дышло, правосудие даёт сбой. Те, кто ощущает потребность в государственной защите, ожидают обмана. Чем сильнее эта потребность, тем более значителен обман, более высок страх неполноценности защиты. Молодые люди, которым не хватает правды, справедливости, законности, действительно не смогут чувствовать себя в безопасности. Таким образом, чем выше потребность в помощи государства, тем менее человек уверен в своих силах и чувствует себя более беззащитным, что способствует усилению общей тревоги.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора кБез отражает тот очевидный факт, что общая тревога растёт при усилении потребности в защите от различных неблагоприятных воздействий. Очевидно, что потребность в безопасности напрямую свидетельствует о том, что человек субъективно ощущает угрозу своему существованию. Она закреплена на генетическом уровне, так как лишь в последние десятилетия люди поверили в своё могущество, которое, однако, ежедневно ставится под сомнение средствами массовой информации.

Потребность в безопасности у людей молодого возраста почти в половине случаев (44%) определяется такими ценностями, как уверенность и здоровье, то есть рост неуверенности и снижение здоровья способствуют повышению общей тревоги. Молодые люди, ощущая потребность в безопасности, понимают, что не обладают достаточными возможностями для того, чтобы обеспечить себе защиту, что их безопасность во многом зависит от взрослых. Поэтому с ростом потребности в безопасности растёт и их тревога.

Обратная зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тКог означает, что рост интеллектуальных и познавательных потребностей уменьшает общую тревогу. В современном мире широко распространено мнение о том, что знание способствует процветанию. Не только молодые, но и люди зрелого возраста стремятся получить более высокое или даже дополнительное образование. Это связано в том числе и с законодательно закреплённым требованием иметь образование определённого уровня, соответствующее профессиональным обязанностям. Работник, чтобы не потерять место, вынужден получать образование, даже несмотря на то, что значительный опыт работы вполне позволяет справляться с должностными обязанностями. Он отчётливо сознаёт, что иначе существует угроза понижения жизненного уровня в связи с потерей работы, а поиски новой связаны с опасностью «остаться за бортом», так как достаточно высокий уровень безработицы создаёт прецеденты выполнения той же работы за меньшую оплату. В зрелом же возрасте возникает необходимость в дополнительных расходах на содержание и обучение детей. Поэтому стремление к удовлетворению познавательных потребностей вызывает снижение страхов в связи с верой в то, что это позволит достичь большего благополучия, обеспечит возможность дать детям лучшее образование и оснастить всем необходимым. Обратную зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора тКог можно также объяснить тем, что человек в основном боится необъяснимого. А тот, кто больше знает, обладает способностью находить объяснение непонятным фактам и явлениям и таким образом уменьшает свой страх.

Прямая зависимость общей тревоги от ценностно-потребностного индикатора кТра свидетельствует о том, что тревога растёт при усилении потребности личностного роста. Эти потребности являются наименее конкретными и недостаточно четко определёнными. Каждому известно, как удовлетворить свои потребности в удовольствии, безопасности, индивидуальности, общении, знаниях, соблюдении ритуалов и традиций, взаимоот-

ношениях с обществом и государством. Однако далеко не все осознают, в чём заключаются их потребности личностного роста. Можно определить, какие требования в данной области выдвигают культура, социальное окружение. Но есть ещё и генетически обусловленные склонности. С возрастом они всё больше осознаются путём размышлений, проб и ошибок, на основании жизненного опыта, интуиции. И чем в большей степени проявляются в сознании глубоко скрытые родовые потребности, ориентирующие на творческое и духовное самосовершенствование, тем более возрастает неопределённость: как удовлетворить эти потребности, в чём конкретно они заключаются, что непосредственно необходимо сделать и как убедиться, что цель достигнута? Такая неопределённость вызывает тревогу. Она усиливается ещё и достоверно осознаваемым уменьшением жизненных сроков, оставшихся для реализации потребностей личностного роста.

На основе полученных в исследовании фактов и их интерпретации можно сделать вывод, что выдвинутые гипотезы подтвердились:

1. Состояние тревоги у русских и метисов в каждой возрастной группе определяется уникальным набором ценностно-потребностных индикаторов:

- у русских молодого возраста – тЭкз, тРит, кГед, кБез;
- у русских зрелого возраста – дКог, кГед;
- у русских пожилого возраста – аГед;
- у метисов молодого возраста – кБез, кРит;
- у метисов зрелого возраста – кБез, зЭго, зРит
- у метисов пожилого возраста – дБез.

2. Только в молодом возрасте у русских и метисов есть единственный общий ценностно-потребностный индикатор тревоги – кБез, остальные – уникальные:

- у русских молодого возраста усиливают тревогу потребности экзистенциальной зоны (+2,73) и зоны безопасности (+2,25); снижают ее потребности ритуальной (-2,56) и гедонистической зон (-1,59);
- у русских зрелого возраста рост тревоги обусловлен потребностями гедонистической зоны (+1,86), ее снижение – когнитивной (-3,14);

- у русских пожилого возраста незначительная роль в усилении тревоги принадлежит потребностям гедонистической зоны (+0,45). Потребностей, уменьшающих тревогу у пожилых русских, не выявлено;
- у метисов молодого возраста усиление тревоги связано с зоной безопасности (+1,94), снижение – с ритуальной зоной (2,97);
- у метисов зрелого возраста рост тревоги обусловлен потребностями эго-зоны (+8,53) и ритуальной зоны (+2,41), ее снижение – зоной безопасности (-4,46);
- у метисов пожилого возраста не выявлено зон, ответственных за усиление тревоги, ее снижение связано с зоной безопасности.

3. Только в молодом возрасте и у русских, и у метисов выявлены общие влияющие на тревогу зоны – безопасности и ритуальная, но у русских потребности безопасности усиливают тревогу, а у метисов – снижают; у русских ритуальная ценностно-потребностная зона определяет уменьшение тревоги, а у метисов – её рост.

4. Зоной, определяющей тревогу и в молодом, и в зрелом, и в пожилом возрасте у русских является гедонистическая, а у метисов – зона безопасности.

5. Наиболее универсальным индикатором тревоги является зона безопасности, так как она влияет на тревогу и у русских (в молодом возрасте), и у метисов (в молодом, зрелом и пожилом возрасте).

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность. М. [и др.]: Питер, 2003. - 351 с. - (Мастера психологии). ISBN 5-318-00616-7.
2. Морогин В. Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. № 3. Новосибирск, 2009. С.12-28.
3. Морогин В. Г., Давыдов А. С. Возрастные особенности ценностно-потребностных индикаторов состояний тревоги // PSIXOLOGIYA, ILMIY JURNAL (10) 2-son 2013-yil, С. 28-42, ISSN 2181-5291.
4. Мэй Ролло. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. - 379 с. (Библиотека психологии и психотерапии. 89; Вып.; Психология для жизни). ISBN 0-671-

УДК 316.346.3

Деформации и инверсии ценностей

Р.Н. Ибрагимов. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Одним из важнейших критериев эффективности функционирования больших общественных систем является мотивационный фон, смысло-жизненные установки индивидуальных и групповых субъектов, включенных в эти общности. Проблема «хороший закон – плохое исполнение», препятствующая претворению в жизнь усилий российского государства и становлению институтов гражданского общества, порождается, в частности, деформацией и окончательной инверсией отдельных ценностей и их систем у тех, кто претворяет законы в жизнь, и тех, кто должен подчиняться их предписаниям.

Самое время прислушаться к персонологической парадигме: общество, производя сталь и мясо, компьютеры и шмотки, производит личность определенного типа. А не наоборот. Если общество хочет издохнуть, оно и производит личностный тип своего могильщика. Производя сталь и мясо, компьютеры и шмотки.

Выявить, что за тип такой производит общество, можно разными методами. Самый надежный – по последствиям. Если всё рушится и ничего не работает – будьте уверены, Социальный Могильщик уже в массовом производстве, Он уже действует. Для действия ему не надо выходить на демонстрации и баррикады, хотя он может позабавиться и этим.

Социальный Могильщик просто сидит на своём месте, и вместо исполнения закона выискивает в нём «дырки», вместо строгого выполнения технологии дорожного строительства пускает втихаря гравий «налево». Кстати, Могильщик горазд на шумные маскировочные и очковтирательные мероприятия.

Тип личности определяется характерным подбором *ценностей*. Подробный экскурс в аксиологию здесь не планировался, но одно уточнение всё же логически необходимо. Главный предрассудок, по поводу которого хотелось бы высказаться – это та легкость, с которой мы порой перескакиваем с ценности как психического феномена к ценности как социальному факту. Мы порой без всяких тормозов заявляем о памятнике воину-освободителю или о свободе слова как о ценностях. А потом сильно удивляемся, когда на памятнике обнаруживаем свастику, а свободу слова попирают не только власти, но и сами журналисты.

Ценность – это безусловно психический феномен, социальным же феноменом становится лишь в результате гласного или негласного договора ценителей. То есть – условным.

Осознание и переживание значимости какого-либо предмета – Родины, футбольной команды, своего кота, победившего в дворовой схватке. Часто – себя. Субстратом гордости является неискоренимый ценностный характер мировосприятия человека. Мы обречены уделять усиленное внимание одним вещам и ослабленное – другим. Ровное отношение ко всему, учит аксиология, свойственно только трупам.

Аксиологические деформации и инверсии являются неотъемлемой составляющей внутреннего мира человека, но при этом они 1) направлены на социальную действительность и 2) во многом порождаются этой действительностью. То есть инверсия является социальным фактом и как причина, и как следствие. Человечество, конечно, накопило определенный социокультурный опыт социальной регуляции путем стигматизации опасных явлений с последующими санкциями. В истории такая направленная стигматизация (интенция) носила название «грех».

Однако логика исторического процесса состоит в регулярном забвении этой логики, в пренебрежении социокультурным опытом. Та же аргументация, в которой обвиняли «азиатский» коммунизм – чем скромнее потребности, тем проще они удовлетворяются – имеет хождение и в современном обществе. Чем меньше «обвинителей в гордости», тем меньше гордецов; чем слабее стигматизация лести, тем чаще лесть будут называть коммуникативной стратегией.

Не стала исключением и социология, чья позитивистская «родовая травма» до сих пор сказывается на спектре исследовательских проблем. Распространенность аксиологических инверсий, их локализация, «существование» в отдельных социальных институтах, общностях и группах, эволюция деформаций в окончательно инверсированный вид – это комплекс вопро-

сов, имеющих стратегическое значение, не получивших, к сожалению, фронтального освещения в научной литературе.

Актуальность социологической составляющей проблематики аксиологических инверсий усугубляется тем, что сами они обладают мощным социогенетическим потенциалом, порождают устойчивые социальные практики, общности и даже институты. Их участие в процессах эрозии общественной нравственности благодаря такой морфологической кристаллизации носит систематический и сознательный характер, что многократно усиливает социально-деструктивную роль пеккантивных интенций.

Превращение окказиональных, статистически случайных деформаций в устойчивые и необратимые инверсии – особая проблема и, соответственно, особое направление исследования, требующее применения сложных методологических подходов.

Детализация проблемы морфологии аксиологических инверсий предполагает деление предметного поля и тематическое распределение, что также имеет методологически неоднозначный характер. Имеет ли смысл выделять из феномена рессентимента инвидиональную и виндиктальную деформации, или, как считал М. Шелер, рессентимент един и всякое его деление искусственно?

Несомненно одно: эмпирическому исследованию следует подвергнуть наиболее социально-опасные аксиологические инверсии. К таковым наиболее очевидно относится иракундальная инверсия – отрицательная разновидность пассионарности. Иракундальная инверсия, на языке морали гневливость – это социально-нравственная основа экстремизма; приобретаемая застарелые и необратимые формы, она закрепляет и усиливает насильственный фон общественной жизни.

Еще одна антиценность – инвидиональная аксиологическая инверсия. Зависть – это отрицательный модус одного из важнейших социализаторов, а именно – подражания, мимезиса. И если моду как социальный институт еще можно считать удачным морфологическим инвидиональным «громоотводом», то роль зависти, например, в социальных революциях заставляет отказаться от благодушного тона.

Престижная мотивация, как правило, не проблематизируется в социологическом дискурсе, традиционно увязываясь с такими феноменами, как имидж, репутация, чувство собственного или сословного достоинства, статусное самосознание. В этом смысле гордость – это *эмоциональное оформление освоенной ценности*. Освоенная ценность, в свою очередь – это сама личность и то, к чему она ощущает свою причастность. Точнее М.

Штирнера не скажешь: освоенная ценность – это «Единственный и его достояние». Между тем, все перечисленное есть стадии или особенности оформления тиффузиальной инверсии (гордыни), которая, помимо конструктивных проявлений, имеет массу уродливых и экстремальных форм, вроде шовинизма или синдрома «синей мигалки».

Многообразное социально-морфологическое выражение приобрела фальсеологическая информационная инверсия. Преднамеренное введение в заблуждение, имитативные практики стали содержанием множества социально-коммуникативных связей. Часть из них носит легальный, систематический и даже легитимный характер.

Близкой к предыдущей, но особой и специализированной проблемой является гипокритическая инверсия – лицемерие, которое при определенных условиях способно отвечать функции обеспечения социальной солидарности. Стремление примкнуть к социальному победителю – весьма распространенный мотив кооптации в общности, начиная от политических партий и заканчивая аудиториями болельщиков. Но та же инверсия – главная причина ненадежности и эфемерности социальных единств.

Аваритарная аксиологическая деформация (алчность) также имеет в своем активе социально-конструктивную функцию, поскольку является мотивационным фундаментом глобального «общества потребления». Однако ее конечная стадия, аваритарная инверсия, в просторечии – «халява» – уже показала экономическим кризисом 2008 года, чем грозит перенасыщение «рынка мотиваций» преферентными интенциями.

Понятие досуга, ставшее базовым для предметной области социологического знания, до сих пор несет в себе отголоски стигматизации, поскольку эпитеты «досужий», «праздный» применялись для уличения в еще одном грехе – лени. Понимаемая слишком узко – как бездействие – лень, а точнее – пигрициарная интенция, таким образом, депроблематизируется, лишается своей актуальности как социальное явление.

Литература

1. Богослов Г. Собрание творений: В 2 т. Т. 1. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 832 с.

2. Гордыня и гордость – атрибуты человеческой природы [Электронный ресурс] // Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и социология. Русская религиозная мысль. Христианская

антропология. Христианская культурология. Том VII. - СПб.: Новое и старое, 2005. - URL: <http://christosocio.info/content/view/686/42/> (дата обращения: 14.04.2012).

3. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6) [Электронный ресурс]; пер. М.С. Добряковой. 1963. - URL: http://www.ereading.org.ua/bookreader.php/145155/Gofman__Stigma._Zametki_ob_upravlenii_isporchennoi_identichnost'yu.pdf (дата обращения: 18.03.2012).

4. Колесник В. Психологический портрет гордеца [Электронный ресурс]. 2009. - URL: <http://kievchurch.org.ua/Library/ArticlesTruth/2009-2010/853.aspx> (дата обращения: 27.04.2012).

5. Кузьмина Т.А. Внутренний мир гордого человека. Исследование внутреннего состояния гордеца по учению святых отцов [Электронный ресурс]. 2006. - URL: <http://www.dorogadomoj.com/d455gor.html> (дата обращения: 27.05.2012).

6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции [Электронный ресурс]. 2002. - URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (дата обращения: 11.05.2012).

7. Тарусин М. Средний класс и стратификация российского общества [Электронный ресурс]. 2005. - URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/02/mid/> (дата обращения: 14.04.2012).

8. Уайт Е. Советы родителям, учителям и учащимся относительно христианского воспитания: Пер. с англ. – Заокский: «Источник жизни», 2010. – 512с.

9. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление; перевод Е. И. Замфир. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. — 318 с.

10. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 544 с.

11. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 560 с.

12. Щербатых Ю.В. Психологический анализ понятия «грех гордыни» // Экономический кризис России: социально-экономический, правовой и гуманитарный аспекты // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Воронеж: МГЭИ, 2009. – С. 376-379.

УДК 37.012.1

Современные кросс-культурная и этнопсихология: новые тенденции в методологии комплексных и междисциплинарных исследований¹

В.А. Мазилев. *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

Резюме. Статья посвящена оценке перспектив использования междисциплинарных исследований в психологической науке в современных условиях. Различаются мультидисциплинарные, междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. Формулируются подходы, позволяющие повысить эффективность междисциплинарных исследований. Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся, как правило, разработать принципы организации и процедуры такого рода исследований. Возможна разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки. Утверждается, что в настоящее время наиболее адекватным пониманием предмета психологии является его трактовка как субъективного мира человека.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00320

Ключевые слова: психология, междисциплинарные исследования, мультидисциплинарные исследования, трансдисциплинарные исследования, эффективность психологического исследования, предмет психологии, субъективный мир человека.

Этническая и кросс-культурная психологии в настоящее время переживают в нашей стране период бурного и интенсивного развития. Периоды интенсивного роста иногда могут вызывать рост диспропорций внутри дисциплины. Как справедливо отмечает Е.Н. Резников, «как на Западе, так и в России проводятся многочисленные исследования по этнической и кросс-культурной психологии. Вместе с тем методологических и теоретических работ, связанных с обобщением эмпирических исследований, выдвинутыми новыми концепциями по этнической и кросс-культурной психологии, явно недостаточно. Такую ситуацию в данном научном направлении фиксируют исследователи из разных стран» (Резников, 2006, с. 108). Необходимо отметить, что дело не только в отставании теории от потока эмпирических исследований. Представляется, что в недостаточной степени осознано, что этнопсихологические и кросс-культурные исследования несут в значительной степени междисциплинарный характер. Во всяком случае создается впечатление, что со стороны психологической науки особенного интереса к разработке современных технологий междисциплинарных исследований в области этнопсихологии не проявляется. Одним из немногих исключений в данном вопросе является только что процитированная работа Е.Н. Резникова. Исследователь пишет: «Этническая психология является междисциплинарной наукой. Она тесно связана с общественными и психологическими науками. При проведении исследований по этнической психологии традиционно формировались межпредметные связи как с внешнепсихологическими, так и с внутривнутрипсихологическими научными направлениями» (Резников, 2006, с. 18-19). Е.Н. Резников справедливо ставит вопрос о недостаточной доле междисциплинарных исследований: «Исходя из тенденций развития мировой науки, выражающихся в снижении удельного веса дисциплинарных исследований и увеличении количества междисциплинарных научных работ, нам представляется перспективным проведение междисциплинарных исследований по этнической психологии» (Резников, 2006, с.26). Обратим внимание на то, что анализу самого междисциплинарного подхода и метода междисциплинарного исследования внимания не уделяется - предполагается «по умолчанию»,

что они остаются неизменными. Однако, это не так. Возникают новые варианты междисциплинарных подходов, складывается собственно сфера дисциплинарности. В который раз можно констатировать, что в который раз наша психология отстает – прежде всего потому, что не уделяет должного внимания методологической культуре исследований (и более широко - необходимой методологической проработке исследуемых вопросов).

Как справедливо отмечают Л.И. Киященко и В.А. Моисеев, «в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т.п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)» (Киященко, Моисеев, с.16-17).

Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований представляет собой проблему и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин.

Обратим внимание на то, что использование термина «междисциплинарность» предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М.К. Петровым, выделяющим восемь составляющих любой дисциплины.

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог Ж. Пиаже (Piaget, 1972) различает следующие формы взаимодействия дисциплин:

- мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;
- собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;
- трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика).

Представляет значительный интерес типология когнитивных систем, выделенная И.Т. Касавиным, развивающим идеи Ж. Пиаже. И.Т. Касавин в связи с этим отмечает: «Уточняя эту типологию, мы выделяем три соответствующие типа когнитивных систем. Во-первых, речь идет о мульти (или поли-) дисциплинарных системах знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т.п. Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе» (Касавин, 2010, с. 21). В рамках мультидисциплинарных систем, согласно И.Т. Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой, являются предметами исследования независимых дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники.

«Результатом второго типа взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как космические исследования, страноведение, науковедение, политология» (Касавин, 2010, с. 21). Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются значительно меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языковедение, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально-региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую

интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений» (Касавин, 2010, с.2 1).

«Наконец, в-третьих, в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность» (Касавин, 2010, с. 22). Таковы, согласно И.Т. Касавину, теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф. В этих случаях наблюдается принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания (Касавин, 2010).

Представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения И.Т. Касавина. Как отмечает автор, эпистемология м-исследований (междисциплинарных исследований) относительно слабо разработана. «В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с д-исследованием (дисциплинарным исследованием)» (Касавин, 2010, с. 13). Особому характеру междисциплинарной эмпирии сопутствует, по Касавину, и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой. Этот никогда не заканчивающийся перевод идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У. Куайна о невозможности радикального перевода. «Неустрашимость из исследований диалога характеризуется выраженной несимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т.е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» (Касавин, 2010, с. 13-14). На наш взгляд, это имеет непосредственное отношение к междисци-

плинарным исследованиям в психологии. В этом случае есть существенное преимущество, т.к. в психологии есть возможность опираться на разработки в области коммуникативной методологии. Кроме того, отмеченные выше трудности позволяет снять разработка методологии и теории проведения междисциплинарных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки, в частности, такой широкой трактовки как субъективного мира человека.

Остановимся далее на более общих вопросах междисциплинарных исследований в современной психологии, учитывая, что эти проблемы значимы не только для этнопсихологии, но и других отраслей психологической науки, а также то, что в некоторых областях психологии (например, в социальной психологии) эти проблемы проработаны несколько глубже, чем в этнической психологии и кросс-культурной психологии.

Не имея возможности в рамках настоящего текста (в силу ограниченности его объема) дать сколь-нибудь развернутую картину современных исследований в разных областях психологии, ограничимся общей схемой, которая сложилась в социальной психологии. Социальная психология несомненно относится к числу отраслей психологии, которые интенсивно и динамично развиваются. «Социальная психология рассматривает личность прежде всего в контексте всех разнообразных социальных связей и включенности в различные социальные группы как на макроуровне, так и на уровне малых групп» (Рощин, 2002, с. 62). При этом акцент делается на «процессах взаимодействия и взаимовлияния личности и тех групп и связей, в которые она включена. Упоминание макроуровня означает, что речь идет не только о малых группах, но и о психологических аспектах взаимоотношений личности с большими социальными группами и обществом в целом» (Рощин, 2002, с. 62).

Как справедливо отмечает А.Л. Журавлев, «структура (или строение, состав) социальной психологии в каждый исторический период ее развития есть результат взаимодействия двух противоположных, но тесно связанных процессов а) дифференциации, т.е. разделения, дробления социальной психологии на составные ее части, разделы; б) интеграции ее с другими и не только психологическими отраслями науки, причем интеграции социальной психологии как в целом, так и отдельными составляющими ее частями» (Журавлев, 2002, с. 7). Нельзя не согласиться с А.Л. Журавлевым и в том случае, когда он замечает, что «структуру современной социальной психологии невозможно понять, не рассмотрев процессы ее интеграции в системе других наук» (Журавлев, 2002, с.8). Журавлев

выделяет два основных контура интеграции, характерных для современной социальной психологии: внешний и внутренний.

А.Л. Журавлев поясняет, что внешний психологический контур интеграции относится к ее объединению с многочисленными психологическими отраслями, на стыке с которыми возникли самостоятельные подотрасли — части социальной психологии. Например, социальная психология личности, согласно А.Л. Журавлеву, сформировалась как результат интеграции социальной психологии с психологией личности, а социальная психология труда — социальной психологии с психологией труда и т. д. Можно констатировать, что в итоге такой интеграции к концу 90-х годов XX века уже оформилось порядка 10 подотраслей социальной психологии (Журавлев, 2002). Процесс интеграции социальной психологии с другими психологическими отраслями интенсивно продолжается: в настоящее время формируется социально-экономическая, социально-экологическая, социально-историческая и другие подотрасли социальной психологии. Внутренний социально-психологический контур интеграции относится к развитию самой социальной психологии и проявляется в процессах объединения разделяющихся составных частей социальной психологии, появившихся в результате процессов ее дифференциации, о которых шла речь выше (Журавлев, 2002). Автор отмечает, что, во-первых, внутренняя интеграция касается одновременного применения теоретического, эмпирического и практического методов анализа социально-психологических явлений, что неизбежно порождает комплексные типы исследований в социальной психологии, например теоретико-экспериментальные, экспериментально-прикладные и т. п. (Журавлев, 2002). Во-вторых, отмечает автор, внутренняя интеграция ярко проявляется в одновременном изучении различных взаимосвязанных объектов социальной психологии, например: личности и малых трудовых групп (бригад) в организации, малых групп в больших социальных группах, личности (например, лидера) в большой социальной группе (например, партии или общественном движении) и т. д. В-третьих, наиболее очевидным направлением внутренней интеграции является объединение тех частей социальной психологии, которые дифференцировались по видам жизнедеятельности людей и сферам общественной жизни. В результате возникло множество интересных, а главное, полезных научно-практических направлений... (Журавлев, 2002). В настоящее время процесс структурирования социальной психологии явно не завершен, и мы регулярно становимся свидетелями закономерного рождения новых составных ее частей (Журавлев, 2002).

Для темы нашей статьи важно акцентировать выводы, которые можно сделать из цитированной работы известного отечественного социального психолога. Выводы касаются того, что для современной социальной психологии и психологии в целом актуальны исследования по методологии комплексных и междисциплинарных исследований, поскольку именно такие изыскания составляют в современной психологической науке значительную часть. В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на обсуждении общих вопросов методологии междисциплинарных и комплексных исследований в психологии, не замыкаясь на специфике социальной психологии или этнической психологии.

В настоящее время организация комплексных психологических исследований сталкивается со значительными трудностями, вследствие чего комплексные исследования и разработки оказываются существенно менее эффективными, чем это предполагалось. Подчеркнем фундаментальный характер данной проблемы, от ее решения зависит эффективность осуществления как комплексных исследований в рамках психологии (взаимодействие между отраслями психологической науки), так и организация междисциплинарных исследований (взаимодействие психологии с другими науками). Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся как правило разработать принципы организации и процедуры такого рода исследований. Предполагаем, что возможна разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки.

Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать в данном исследовании, что фактически не учитывается в представленных в настоящее время концепциях комплексных исследований в психологии. Следовательно, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании. Новизна подхода состоит в том, что в нем реализуется разработка методологии и

теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки.

Развитие науки, как хорошо известно, представляет собой сложный процесс, включающий в себя и дифференциацию, и интеграцию знания. В настоящее время насчитывается большое количество самостоятельных научных дисциплин. От того, какое место занимает психология в системе наук, в большой степени зависит решение двух очень важных вопросов: 1) что психология может дать другим наукам, 2) в какой степени психология может использовать результаты исследований в других науках.

Нет возможности в настоящем тексте проследить эволюцию представлений о классификации наук и месте психологии внутри этой классификации. Отметим только, что это весьма интересный и перспективный сюжет. Поэтому перенесемся сразу в XIX век.

В XIX столетии большой популярностью пользовалась классификация наук, разработанная создателем философии позитивизма, французским ученым Огюстом Контом (1798-1857). В классификации Конта психологии вообще места не нашлось. Отец позитивизма полагал, что психология не стала еще положительной наукой, а находится (согласно закону трех стадий) на метафизической ступени. Для первой половины XIX столетия эта констатация была в целом справедливой, хотя попытка заменить психологию френологией воспринимается как исторический курьез.

Обратим внимание на следующий факт. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название психологизм. Психологизм в конце XIX столетия был подвергнут резкой критике со стороны, в частности, таких выдающихся представителей психологической науки как Уильям Джеймс, Гуго Мюнстерберг, Вильям Штерн. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала "положительной". Классификации наук и впоследствии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи и на новом этапе высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психология должна явиться

основой для наук о духе. Классификации наук разрабатывались и в XX столетии. Одной из наиболее популярных явилась классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б.М. Кедровым (1903-1985). Согласно Кедрову, классификация наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически это можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая).

Психология имеет тесные связи со всеми тремя группами наук, поэтому располагается внутри треугольника. Расположение психологии внутри треугольника не симметрично по отношению к его вершинам, а смещено в сторону философских наук, т.к. человеческое мышление (один из существенных разделов психологии) изучается не только психологией, но и философией и логикой. Психология, таким образом, имеет связи со всеми группами научных дисциплин, причем наиболее тесные с философией.

Несколько по-иному подошел к вопросу об определении места психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология одна из самых молодых наук («математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!») (Пиаже, 1969, с.128)). В докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966 год, Москва) Пиаже поставил вопрос в ином «направлении»: что может дать психология другим наукам? Ответ Пиаже знаменателен: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее разви-

тии» (Пиаже, 1969, с.152). Плодотворное будущее психологии он видит в развертывании междисциплинарных связей.

Как известно, и классификация Пиаже и классификация Кедрова подвергались критике, причем критике подвергались в первую очередь основания классификации и последовательность в их реализации (Пиаже, 1969; Роговин, 1969). Обратим внимание на глубокий и пронизательный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: «У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию». Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» (Пиаже, 1969, с. 154).

Б.Г.Ананьев в работе «Человек как предмет познания» рассмотрел связи психологии с другими научными дисциплинами. Анализ этих связей в рамках разработанной Ананьевым концепции комплексного человекознания позволил сделать вывод, что психология синтезирует достижения других наук (Ананьев, 1969, 1996). Известный отечественный психолог Б.Ф.Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или во всяком случае большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции - это, конечно, задача философии» (Ломов, 1984, с. 19). Ломов отмечает, что взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д. Важным фактором дифференциации психологии являются именно отношения с другими науками

(Ломов, 1984). Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века мы можем констатировать, что психология несомненно приобрела статус самостоятельной научной дисциплины, хотя реально ведущего центрального положения среди других наук пока еще не получила. Приходится констатировать, что прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Важным событием явилась публикация статьи А.Л.Журавлева «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» (Журавлев, 2007). Работа посвящена чрезвычайно актуальной методологической проблеме, т.к. в психологии традиционно важное место принадлежит междисциплинарным исследованиям. А.Л.Журавлев отмечает: «В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социо-гуманитарных наук, но и всей науки в целом» (Журавлев, 2007, с.15). Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, т.к. «... сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» (Журавлев, 2007, с.17). Чрезвычайно актуально выделение уровней, на которых может быть реализовано междисциплинарное исследование: «В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – внутриспсихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей» (Журавлев, 2007, с.17). В первом уровне могут быть выделены подуровни: «Внутриспсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии» (Журавлев, 2007, с. 18). Второй уровень – внешнепсихологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. (Журавлев, 2007, с.

20). «Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать» (Журавлев, 2007, с.21). Данный аспект важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно.

Исследователь делает глубокие выводы, касающиеся особой роли междисциплинарных исследований в области психологии. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. «Многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизиологической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф.Ломову, систему ее измерений» (Журавлев, 2007, с. 27). «Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психозволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического» (Журавлев, 2007, с. 28-29).

В работе А.Л. Журавлева рассматриваются также, что очень важно, трудности и ограничения, с которыми сталкиваются междисциплинарные

исследования. Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. Автор анализирует трудности и ограничения междисциплинарных исследований в области психологии. Он утверждает, что:

1. Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.
2. Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).
3. Существуют сложности и трудности междисциплинарных исследований.

Междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие – вспомогательными и т.п.; - все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое» (Журавлев, 2007, с.32).

Отметим, что проблемы междисциплинарных исследований обсуждаются и в зарубежной современной психологии, в междисциплинарности просматриваются перспективы развития психологического знания (Valsiner, 2007). По вышеприведенным материалам можно сделать некоторые обобщения, существенные для темы нашего исследования.

Будущее и перспективы развития психологии напрямую зависят от ее междисциплинарных связей.

Взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки.

Психология синтезирует достижения других наук.

Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

Могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через

социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д.

Наиболее эффективными междисциплинарными подходами можно считать те, которые были осуществлены в конце XX - начале XXI столетия и привели к формированию отраслей психологии. Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность.

Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического.

Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.

Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

Чрезвычайно важной является идея уровней междисциплинарности психологии.

Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

Могут быть выделены долгосрочные перспективы для организации и проведения междисциплинарных исследований. Необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психозволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического.

Могут быть выделены сложности и трудности междисциплинарных исследований (плюралистичность знания, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук; про-

граммы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности и т.д.).

Другим важнейшим направлением исследований по проблематике настоящей статьи выступили исследования, посвященные разработке проблемы предмета психологии. Идея о необходимости введения в контекст разработки проблемы методологии комплексных и междисциплинарных исследований предмета психологии не является очевидной, поэтому необходимы дополнительные пояснения. На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Остановимся на этом вопросе более подробно. Главная методологическая проблема современной психологии – выработка нового понимания предмета психологии. Это необходимо для сохранения единого предметного поля психологии. Эта мысль также нуждается в пояснении. Попытаемся это сделать. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный»). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему, то есть, не придавая ей большого значения (как часто и происходит), мы лишаем надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже (Пиаже, 1966). Ж.Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о

сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (Пиаже, 1966, с.190). Ж. Пиаже продолжает: «... понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, понимается, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели [...] применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом».

Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (Пиаже, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» (Пиаже, 1966, с. 190).

Конечно, Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать наукой, но в настоящее время он мешает стать подлинной наукой - не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (Пиаже, 1966, с. 190). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание - лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой»!). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г.Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э.Шпрангера «*psychologica* - *psychological*» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психиче-

ское имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Напомним, что Э. Шпрангер, будучи учеником В. Дильтея, заслугой последнего полагал освобождение психологии от тирании естественнонаучного мышления. Обратим внимание, что подход Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации (Юнг, 1994). Амплификация – часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (Сэмьюэлс, Шортер, Плот, 1994). Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приурочена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной. С другой стороны ясно, что традиционная трактовка предмета закрывает дорогу для эффективных междисциплинарных исследований, к примеру, с физиологией. То же можно сказать и об отношениях с другими дисциплинами (например, с социологией, с культурологией и т.д.).

Не имея возможности из-за ограниченности объема статьи дать обоснование реализуемого подхода, кратко остановимся лишь на базовых положениях, установленных в предыдущих исследованиях автора:

1. Развитию интеграционных процессов в психологической науке препятствует недостаточная разработанность коммуникативной методологии и соответствующего понятийного аппарата. В работе показано наличие предтеории как предварительного (часто не формулируемого исследователем, поэтому не получающего отражения в текстах) знания, предшествующего проведению научного исследования (Мазилев, 1998). Реконструкция реального содержания предтео-

рии является обязательным условием для конструктивного соотнесения психологических концепций.

2. Было проведено исследование, посвященное разработке основ коммуникативной методологии, направленной на создание модели, позволяющей реально соотносить различные психологические концепции (Мазилов, 2007, 2004). Были сформулированы основные направления использования коммуникативной методологии, что создало реальную базу для осуществления интегративных процессов. Наиболее важные результаты этого этапа исследований состояли в том, что была предложена конкретная технология соотнесения различных психологических концепций, описана методика определения реального и мнимого спектра значений основных психологических понятий в свете разрабатываемого уровневого подхода.

3. Другим важным заданием являлась разработка методологии, ориентированной на интеграцию психологического знания, и вспомогательного методологического аппарата, создающие основы для построения конкретной технологии осуществления интеграции психологического знания (Мазилов, 2008).

4. Было показано, что необходим уровневый подход к пониманию предмета психологии. Выявлены уровни (декларируемый, рационализированный, реальный) предмета, определены функции, который должен выполнять концепт «предмет психологии» в структуре психологического знания. Было показано, что ограниченное понимание предмета психологии, характерное для современной науки в целом, ведет к затруднениям в организации междисциплинарных исследований и неизбежно приводит к редукционизму в той или иной форме (Мазилов, 2012, 2013, 2014).

5. Была разработана когнитивная методология, в которой предусмотрено включение частных методологических концепций: предмета психологии, ее метода, психологической теории, объяснения в общее методологическое пространство, что открывает новые перспективы, в частности, для проведения комплексных исследований. Важным методологическим основанием при разработке теории комплексных психологических исследований является концепция интегративной когнитивной методологии, общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории соотнесены в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

6. Было показано, что эффективность комплексных психологических исследований определяется в значительной мере тем, насколько близким является понимание предмета в научных подходах различных отраслей психологии. Это делает необходимым учет различий в понимании предмета в различных областях психологии при организации комплексного исследования.

В области предмета психологии основные результаты исследований могут быть представлены следующим образом. Разработаны формальные требования к предмету психологии, уточнены функции, которые выполняет предмет психологии, определены основные характеристики предмета. Разработан подход, позволивший осуществить конкретизацию уровневого понимания предмета психологии. Разработано широкое понимание предмета психологии, позволяющего нередукционистски соотносить различные области предметного пространства психологии. Осуществлено содержательное наполнение конструкта «внутренний мир человека» с учетом формальных требований к предмету психологии.

Ввиду особенной важности данного направления исследований для нашего проекта остановимся на этом вопросе более подробно. По нашему глубокому убеждению, необходима разработка концепции предмета. Проблема предмета психологии существует, это (на наш взгляд) важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна. Сложность «объективна», т. к. это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь). Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин предмет психологии. Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание психологического сообщества как-то упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что предмет науки и ее объект тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (лат. *Objectum* – «предо мной»). Тем не менее, в ряде языков (в том числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 году) для того, чтобы

обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов (Баронене, 2002).

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой понятий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая психика) в объекте психики, его прежде нужно задать. (Мы полагаем, вслед за Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» (Юнг, 1994, с. 12–13). Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в трактовке предмета.

Прежде всего, отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

1. Предмет задается, чтобы конституировать психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того, чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

2. Предмет задается, чтобы определить область исследований. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве

предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие предмет для того, чтобы указать область исследования.

3. Дифференциация предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов научности). Так, например, Ф. Brentano выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титчнер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

4. Предмет науки выступает как средство опредмечивания проблемы. В качестве примера можно привести И.П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вертгеймера, который в стробоскопическом эффе́кте («фи»-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная множественность подходов к анализу предмета психологии. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

Возможен теоретический анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И.П. Волков (Волков, 2003). По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, каковы функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ (Мазилков, 2005, 2006, 2007) и ниже (в рамках настоящего текста) мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

Возможен содержательный анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и как он рассматривается). В истории психо-

логии (с легкой руки Brentano (Brentano, 1874) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста» и т. д.

Возможен анализ с точки зрения философии науки, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э.Г. Юдиным (Юдин, 1978).

Возможен сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития). Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе (Ярошевский, 1985) и др.

Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов. Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И.Н. Карицкий, например, выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулирующий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. (Карицкий, 2004).

Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В.И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т. е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» (Гинецинский, 1994, с. 61). Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика

содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» (Гинецинский, 1994, с. 61).

Не станем здесь сопоставлять различные способы задания предмета. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ (поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться перечислениями, которые не являются исчерпывающими).

Как уже упоминалось, одним из первых на необходимость теоретического анализа предмета психологии указал И.П. Волков. Возникает вопрос, почему в психологии (как в отечественной, так и в зарубежной) практически отсутствуют работы по теоретическому исследованию предмета? Для того чтобы понять, почему так произошло, потребовался бы пространственный историко-философский и историко-психологический экскурс. К сожалению, в рамках настоящей работы это невозможно, поэтому придется ограничиться несколькими краткими соображениями.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики.

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других (Мазилов, 1998).

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов (Подробно об этом см. Гинецинский, 1994)).

Назовем основные характеристики предмета.

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известно требование Эдуарда Шпрангера («psychological-psychological») по прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Представляется, что проблема предмета

сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только конкретные исследования, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но разработка собственно концепции предмета.

Напомним, что проблема предмета имеет еще одну сложность. Выше мы уже затрагивали этот момент, попробуем дать дополнительные пояснения. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была психика (психе). Назовем это декларируемым предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый («психе»), рационализированный и реальный. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действенно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» для естественно-научно-ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»).

Нам уже приходилось писать, что беспристрастный анализ может выявить удивительную картину. К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие – «целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...») (Психология: словарь, 1990, с. 66). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуциро-

ванной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле реальный предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только предмет науки. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с предметом исследования. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки.

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как только отражения не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии. Необходимо новое широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. По нашему мнению, создать такое понимание можно на основе концепции предмета психологии, что мы считаем наиболее важной задачей методологии психологической науки на современном этапе ее развития. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой. В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа проводится. Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистическими ориентациями в психологии и т.п. –

эти важнейшие проблемы являются следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета - это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии. Без ее решения трудно надеяться на качественный прогресс комплексных исследований. Обратим внимание, что такое наполнение позволяет преодолеть традиционные для психологии затруднения. В последние годы появляются новые подходы к изучению индивидуальности. На наш взгляд, представляется интересной попытка рассмотрения внутреннего мира человека как основы индивидуальности. Перспективность такого подхода связана с тем, что позволяет «навести мосты» между психическими процессами, с одной стороны, и индивидуальностью и личностью, с другой. Не секрет, что при традиционном понимании предмета психологии они в значительной степени оказываются «разорванными», а от «приговаривания» слова психика особенного «сближения» обычно не происходит. Более того, сегодня совершенно ясно, что академическая психология, являясь «наследницей по прямой» картезианского дуализма, не может объяснить активности психики. Если это еще как-то удастся сделать в сфере познания, то в области психологии индивидуальности затруднения станут практически непреодолимыми.

Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания предмета как внутреннего мира человека явится важным этапом на пути становления психологии фундаментальной наукой и, с другой стороны, необходимым условием для осуществления эффективных комплексных исследований.

Не подлежит сомнению, что и исследования в области социальной психологии личности – с учетом стратегий построения через внешний и внутренний контуры психологической интеграции (по А.Л.Журавлеву) – получат новые дополнительные перспективы развития.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996. 384 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. 339 с.
3. Баронене С. Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. - Томск, 2002, с. 232–244.
4. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической

психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с. 6–13.

5. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. М.: Изд. Корпорация Логос, 1994. 200 с.

6. Журавлев А.Л. Предмет и структура социальной психологии // Социальная психология. М.: Per Se, 2002, с. 5-9.

7. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИПРАН, 2007, с. 15-32

8. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М. : ИФРАН, 2010. С. 15-28.

9. Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.

10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

11. Мазиллов В. А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. - Ярославль, 2003, с.205-237

12. Мазиллов В. А. Психология на пороге XXI века. Ярославль, 2001. 112 с.

13. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 356 с.

14. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72

15. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007. 352 с.

16. Мазиллов В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5 / Отв. ред. А. В. Карпов, В. А. Мазиллов. Ярославль: Яр-ГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998, с. 49–54.

17. Мазиллов В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы [Текст] // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.

18. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 149-155
19. Мазиллов В.А. Психологическая наука: разработка коммуникативной методологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 1, 2010, с. 146-151
20. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2010, с. 174-191
21. Мазиллов В.А. Парадигмы и принцип соизмеримости теорий в психологии // Психология XXI столетия. Новые возможности // Сб. по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия. Новые возможности» под ред. Козлова В.В. – Новосибирск, Ярославль, МАПН, 2013, с.25-35
22. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания. Методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2008. 122 с.
23. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.
24. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969. 168 с.
25. Психология: словарь / Под общ.ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Изд. второе. М.: Изд. полит. лит., 1990. 496 с.
26. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969. 384 с
27. Роцин С.К. Социально-психологические представления о личности в зарубежной психологии // Социальная психология. М.: Per Se, 2002, с. 61-66.
28. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994. 184 с.
29. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 392 с.
30. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.
31. Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 132 с.
32. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический

журнал, № 1, 2006, с. 97–106.

33. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985. 575 с.

34. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker&Humblot, 1874. 278 S.

34. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972

35. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Rebuilding Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // Integrative Psychological and Behavioural Science, 2007, 41, p.1-5

© В.А.. Мазиллов, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.922.4 (075.8)

Некоторые методологические основания исследований в области этнопсихологии

В.А. Мазиллов *Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль*

В.Г. Морозин *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан*

Резюме: В статье обсуждаются важнейшие методологические вопросы, связанные с предметом психологической науки. Обсуждаются различные подходы к проблеме предмета. Утраты рассматриваются как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс. Предлагается взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. Предмет психологии должен способствовать исполнению ряда важных функций. Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах. Во-вторых, он все же не должен быть «искусственно» сконструированным, а существовать реально, для того,

чтобы стать предметом науки в подлинном смысле слова. В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Ключевые слова: этнопсихология, психология, научная психология, предмет психологии, утраты, обретения, развитие науки, внутренний мир человека.

Summary: The article discusses the most important methodological issues related to the subject of psychology. Various approaches to the problem of the subject. The article discusses how the loss of acquisition, as the traffic to a deeper understanding of mental progress is obvious. Takes a look at the history of psychology as a science of its acquisition of a genuine item. The subject of psychology must fulfill a number of important functions. Firstly, it should serve as "an operational table" (Michel Foucault), which would allow us to really relate the results of studies carried out in different approaches and schools. Secondly, it should still not be "artificially" constructed, and there is real, in order to be the subject of science in the true sense of the word. Third, it must be internally complex enough to contain essential, allowing to identify their own laws of existence and development, rather than a simple set of internal mental to something externality, thereby reduction mental. Fourth, the understanding of the subject should be such as to allow science to develop its own logic, keeping the deployment of psychological contents alien to the logic of natural or hermeneutic knowledge.

Keywords: psychology, scientific psychology, the subject of psychology, loss, finding, development of science, man's inner world.

Вряд ли стоит долго говорить, что исследования в области этнопсихологии зависят от целого ряда более общих, в том числе и методологических вопросов. В самом деле, то, как будет интерпретироваться культурное своеобразие того или иного этноса, существенно зависит от общих представлений об архитектонике психического.

Есть и собственно методологические, мировоззренческие вопросы. К таким в первую очередь относится проблема предмета психологической науки. Не является секретом, что духовности есть место в пределах дале-

ко не каждой трактовки предмета психологии. И если духовность не включается в понимание предмета, трудно ожидать, что в такой психологии получат разработку механизмы, реализующие психические способности и возможности. Поэтому внутреннюю картину происходящего при попытках осуществления духовно-нравственного воспитания представить вряд ли удастся.

Отсюда, исследовательская работа и, в значительной степени, практическая деятельность в области этнопсихологии, оказываются тесно связанными с методологическими вопросами психологии и в первую очередь с проблемой предмета психологии. В ряде работ уже было показано, что многие методологические проблемы психологии являются производными от решения главной – проблемы предмета психологии (Мазиллов, 1998, 2013).

Герман Эббингауз в 1908 году в «Очерке психологии» заметил, что эта дисциплина «имеет длинное прошлое, но краткую историю» (Эббингауз, 1911, с. 9). Что касается длинного прошлого, то, как хорошо известно, в основном оно было «вписано» в философию, поскольку магистральная линия развития психологии исторически была связана именно с этой областью знания. Хотя нельзя не отметить того, что при желании уже в античности можно обнаружить известное «разделение» внутри психологического знания: Аристотель предпочитает использовать рассуждения о душе (*logos peri psuche*), Платон говорит о «психагогии» как об искусстве управления людьми, которое должно опираться на определенное знание человеческой души. Как справедливо указывает И. Брес, «психагогия» соседствует у Платона с «рассуждениями о душе» (Брес, 1988). К сказанному стоит добавить знаменитое сократовское «познай самого себя». Уточним, что тогда, естественно, не было ни психологии как науки (философское знание охватывало все аспекты души – выделять особый, психологический не было никакой нужды), ни самого слова – психология. Оно, как опять же хорошо известно, появилось куда позднее. Следовательно, при желании в этой дифференциации (при отсутствии общего термина – психология) можно увидеть одно из первых проявлений проблемы, которая выйдет на первые роли значительно позднее. Тем не менее, проблема возникла. Формулировать ее можно по-разному: «психология и жизнь», или (что точнее) – «психология: наука и жизнь».

В конце XX столетия многие видные психологи как в нашей стране, так и за рубежом вновь в полный голос заговорили о кризисе в психологии. Подчеркивается, что кризис носит глубокий, принципиальный, явно мето-

дологический характер. Наиболее яркие проявления кризиса просматриваются именно в диссоциациях между научной психологией и психологией практической, между научной психологией и концепциями, ориентированными на самопознание (см. Мазиллов, 2013, 2012).

Однако оказывается, что это еще не самая суровая оценка положения дел в современной психологии. Выясняется, что в третьем тысячелетии может быть поставлен под сомнение сам факт существования науки под названием «психология». Профессор университета Париж-V Ивон Брес пишет: «Каждого, кто в конце XX века захочет истолковать наличие в западной культуре такой отрасли знания, как психология, подстерегают две ошибки: ошибка «научная» и ошибка «философская» (Брес, 1988, с. 123). Научная ошибка состоит в том, что наличие университетских учебных курсов принимается как подтверждение факта существования психологии как науки. «Действительно, за все эти сто лет, которые отделяют нас от чисто символической даты открытия Вундтом первой лаборатории экспериментальной психологии в Лейпциге в 1879 году, современная психология ни по своему предмету, ни по своим методам, ни особенно по своим результатам не проявила себя как наука» (Брес, 1988, с. 123). Философская же ошибка «будет заключаться в том, что на основании этого различия мы объявим о несостоятельности или незаконности психологии и ограничимся знаниями о человеке, содержащимися в философии и литературе, признавая недействительным всякий «научный» подход к изучению человека» (Брес, 1988, с. 123).

Так все же, можем ли мы считать психологию наукой? Несомненно, да. Для обоснования однозначно утвердительного ответа было бы полезно вспомнить некоторые «исторические» эпизоды. К сожалению, здесь нет возможности обсуждать их сколь-нибудь подробно. Как известно, возможность эмпирической психологии была обоснована Христианом Вольфом. Вольф, будучи философом, пытался провести разграничение между теоретическим и эмпирическим, результатом чего явилось разделение психологии на рациональную и эмпирическую. Отметим лишь, что слово «эмпирическая» не должно вводить в заблуждение: об эмпирическом исследовании речь, разумеется, ни у Вольфа, ни даже в более позднее время – в первой половине XIX столетия – не шла (Мазиллов, 1998, 2007).

Выделение психологии в самостоятельную дисциплину, произошедшее во второй половине XIX столетия, имело целый комплекс причин: как внутренних, так и внешних. К последним необходимо, в частности, отнести критику психологии И. Канта и О. Конта. Не имея возможности оста-

навливаться на этом вопросе, отмечу лишь, что научная психология сформировалась как дисциплина эмпирическая, элементаристская, каузальная, «конструктивная» (стремящаяся объяснить целое через организацию элементов, «построить» его), основанная на принципах психофизиологического параллелизма.

Фактически само становление научной психологии сопровождалось жесткой критикой. В том же 1874 году, когда были опубликованы вундтовские «Основы физиологической психологии», появилась книга Ф. Brentano, в которой была изложена альтернативная программа построения психологии. Brentano настаивал на интенциональном характере психического. На самом деле главная мысль, которую содержал труд Brentano, можно сформулировать проще: Brentano протестовал против «конструктивного» и элементаристского характера психологии, утверждая, что психические явления необходимо изучать в их целостности (Brentano, 1874). Особенно стоит обратить внимание на то, что Brentano уделяет особенное внимание классификации психических феноменов (Brentano, 1925). На наш взгляд, Brentano был первым, кто предложил типологический подход к построению научной психологии. Кризис психологии может быть понят как непрекращающиеся попытки найти такое понимание предмета психологии, которое было бы научным и одновременно не несло бы в себе «неоправданных ограничений» (М.С. Роговин, Г.В. Залевский).

История психологии – история поисков предмета психологии. Как справедливо заметил М.Г. Ярошевский, цитируя автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» (Ярошевский, 1996, с. 5). Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета.

В настоящее время в психологии наблюдается своего рода «методологическая передышка», выражающаяся, в частности, в том, что вопросы, связанные с трактовкой предмета психологии, по сути, перестали обсуждаться. В значительной степени это связано с усилением разработки конкретной психологической проблематики, с одной стороны («дело надо делать») и с сомнениями в возможностях методологии, с другой.

Тем не менее, представляется, что сейчас вряд ли найдется более актуальная и насущная проблема. Вспомним, что кризис, который в настоящее время охватил нашу психологию, вряд ли исчезнет сам по себе. Для этого требуется методологическая работа. И первым пунктом в этой работе должно быть уточнение понимания предмета психологической науки.

Остановимся лишь на одном моменте. Предмет психологии должен выполнять ряд важных функций. Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах. Во-вторых, он все же должен не быть «искусственно» сконструированным, а существовать *реально*, для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова. В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития*, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой логике естественного или герменевтического знания.

Можно продолжать, поскольку найдется и в-пятых, и в-шестых. Обратим внимание, на тот момент, что, очевидно, сегодняшнее понимание психического как отражения (а его еще никто не отменял, имплицитно такое определение присутствует в очень многих отечественных современных психологических текстах), по сути, не выполняет ни одной из вышеуказанных функций.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («*psychologica – psychological*») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и гово-

речь о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

И здесь уместно вспомнить о словах Эббингауза, которыми открывалась настоящая статья. Психология – действительно очень молодая наука. С.Л. Рубинштейн в 1940 году повторил этот тезис: «Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем» (Рубинштейн, 1946, с.46). Важно осознать, что путь, указанный Вундтом – лишь один из возможных. Психология, которая выделилась из философии одной из последних, прошла *путь эмбриона*: она попыталась воспроизвести для своего становления схемы, выработанные в других науках – в естествознании, в герменевтике. Она примерила на себя модные одежды синергетики, постмодернизма и конструктивизма. А теперь приближается то время, когда она может пойти по своему пути, раскрывая свои законы, делая это своими методами, реализуя свою логику.

Действительно, путь научной психологии от Вундта до Пиаже состоял в том, что психическое лишалось права на объективное существование, поэтому редукция прямая или опосредованная была неизбежной. Однако неверно было бы полагать, будто вся психология была такой. Здесь хотелось бы указать на опыт аналитической психологии Карла Густава Юнга. Точнее, комплексной психологии – использовавшееся «ранним» Юнгом самоназвание, представляется, было точнее. По нашему мнению, методологические идеи К.Г. Юнга до сих пор в достаточной степени недооценены. К сожалению, здесь нет возможности обсуждать методологию «общей психологии» (по Выготскому), разработанную Юнгом (см. об этом (Мазилев, 2007)).

Отметим только, что, возможно, в юнговских работах содержится указание на перспективное направление поисков.

Впрочем, авторы настоящих строк отнюдь не хотели бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К.Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность *иного* понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию (да и пытаться создавать *теорию* психического современной психологии) предстоит самостоятельно).

Утратив узкое, неадекватное понимание своего предмета, психология обретет возможность конструктивного внутри- и внеученого диалога, возможность интеграции различных концепций, по-разному подходящих к исследованию человеческой души. Тем самым психология обретет свое законное место в системе наук, обретет статус фундаментальной науки, и, возможно, станет основой наук о духе. Представляется, что на рубеже XXI века психология находится на пороге нового этапа своего развития, который сделает ее самостоятельной фундаментальной наукой. Это, по-видимому, имел в виду Б.Г. Ананьев, когда писал: «недалеко то время, когда психология займет одно из важнейших мест в общей структуре человеческого знания» (Ананьев, 1996, с.376).

Известный французский историк Марк Блок в свое время написал – и с этими словами невозможно не согласиться сегодня, более, чем две трети века спустя: «Итак, мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность – это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать, продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, – им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» (Блок, 1986, с.13-14).

В настоящее время в решении проблемы предмета можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). В значительной степени эта работа к настоящему времени завершена. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа проводится в настоящее время. Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» или «мир внутренней жизни человека» (В.Д. Шадриков). Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение предмета, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. На наш взгляд, представляется чрезвычайно интересной попыт-

ка рассмотрения внутреннего мира человека как основы индивидуальности.

В плане обсуждения вопроса о практической реализации идей духовно-нравственного воспитания кажется перспективной представлением общей психологии как науки о внутреннем мире человека (Шадриков, Мазиллов, 2014). Такой подход позволяет по-новому и, на наш взгляд, эффективно рассмотреть комплекс вопросов, связанных и с научным исследованием, и с практикой воспитания.

На наш взгляд, это позволяет преодолеть извечный психологический «раскол» между психическими процессами и личностью (индивидуальностью). Перспективность такого подхода связана с тем, что он позволяет «навести мосты» между психическими процессами, с одной стороны, и индивидуальностью и личностью, с другой. Не секрет, что при традиционном понимании предмета психологии они в значительной степени оказываются «разорванными», а от «проговаривания» слова психика особенного «сближения» обычно не происходит. Более того, сегодня совершенно ясно, что академическая психология, являясь «наследницей по прямой» картезианского дуализма, не может объяснить активности психики. Если это еще как-то удастся сделать в сфере познания, то в области психологии индивидуальности затруднения становятся практически непреодолимыми.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания [Текст] . М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. [Текст] М.: Наука, 1986. 256 с.
3. Брес И. Генезис и значение психологии [Текст] // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123-140.
4. Мазиллов В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы [Текст] // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.
5. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 149-155

6. Мазиллов В.А. Психологическая наука: разработка коммуникативной методологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 1, 2010, с. 146-151
7. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2010, с. 174-191
8. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
9. Мазиллов В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007. 359 с.
10. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 2011. № 11. С. 233-254.
11. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть I // Социальный психолог. Ярославль, 2007. № 1. С. 27-39.
12. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть II // Социальный психолог. Ярославль, 2008. № 1. С. 19-30.
13. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 12-28.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. [Текст] М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
16. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014
17. Эббингауз Г. Очерк психологии. [Текст] С.-Петербург: Изд. О.Богдановой, 1911. 242 с.
18. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: Русский путь. [Текст] М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Мо-дэк", 1996. 380 с.
19. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte /Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 1. [Текст] Leipzig: Meiner, 1924. XCVII, 278 S.
20. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. [Текст]. Leipzig: Meiner, 1925. XXIII, 337 S.

© В.А.. Мазиллов, В.Г. Морогин, 2014.

УДК 37.014 (571.16)(=511.21)

Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера

С. М. Малиновская. *Институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск*

Современный уклад жизни общества характеризуется ростом мобильности населения, развитием всех сфер жизнедеятельности (техника и технология, производство, наука и культура), что приводит нередко к утрате или нивелированию накопленного старшими поколениями этнического опыта и культуры и, как следствие, к возможной утрате уникальной системы этнического разнообразия страны и обеднению ее культурной палитры. В силу этого требуются специально организованные меры по возрождению, сохранению и развитию этнической культуры, особенно культуры малочисленных коренных народов. Применительно к Томской области это может относиться к коренным народностям Севера.

В Томской области большая часть коренных малочисленных народов – это народы Севера: эвенки, чулымцы (чулымские тюрки), ханты, селькупы. Они проживают на территории своего традиционного расселения в районах, относимых к территориям Крайнего Севера или приравненных к ним. Чулымские тюрки компактно живут в Тегульдетском районе. В Александровском районе проживают ханты, селькупы; в Верхнекетском районе — селькупы, эвенки; в Колпашевском — селькупы; в Каргасокском — ханты, селькупы, эвенки; в Парабельском — селькупы. Кроме того, они расселены и в других районах области, включая г. Томск. В настоящее время народы Севера не составляют большинства населения в местах своего исконного расселения. Территориальная удаленность является существенным препятствием для получения ими образования высокого уровня. При этом прерываются традиции передачи

знаний языка и культуры коренных малочисленных народов Севера последующим поколениям. Проблема сохранения этнической уникальности каждого народа и народности защищена ратифицированной в подавляющем большинстве стран мира Декларацией Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (2007).

На современном этапе коренные малочисленные народы Томского Севера (Нарымского края) переживают сложные культурные трансформации. Ситуация отношения к коренным народностям обостряется их малочисленностью, особенностью мест расселения и уклада жизни (суровый климат, заболоченность местности, наличие очагов природных инфекций, дисперсность расселения, особая система жизнеобеспечения). Основными демографическими тенденциями народностей Нарымского края является уменьшение средней продолжительности жизни, нуклеаризация традиционных межпоколенных семей, рост числа неполных семей, разводов и т.д. Этнические проблемы в значительной степени связаны с высоким уровнем безработицы. Падение доходов населения приводит к проблемам с питанием, недостатком жизненно важных компонентов. Среди социальных проблем необходимо выделить проблемы с образованием и медицинским обслуживанием. Два основных фактора – плохая экология и обнищание населения – приводят к высокому уровню заболеваемости, ранней алкоголизации [1].

Регион проживания народностей Севера располагает уникальными минерально-сырьевыми, топливно-энергетическими, биологическими ресурсами. Интенсивное промышленное освоение без соблюдения социально-экономических требований нанесло и продолжает наносить огромный ущерб их жизнедеятельности. Изучение статистических данных за последние 10 лет показывает, что, несмотря на предпринимаемые государством меры, уровень жизни народностей Севера продолжает ухудшаться, что ухудшение положения коренных народностей на региональных рынках труда обусловлено низким уровнем их общего и профессионально-технического образования. Суть современной проблемы народностей Севера заключается в том, что эти народы теряют свои традиционные хозяйственные занятия, трудовые и бытовые навыки, этническую культуру и язык, и весь многовековой уклад жизни в суровых условиях Севера. Отсюда возникает историческая необходимость борьбы этих народов за выживание, возрождение и развитие. Необходима продуманная государственная политика, направленная на поддержание и

усиление их жизнеспособности. В администрации Томской области в последние годы нет даже штатного отдела народностей Севера. Эти функции выполняют заведующие отделами или инструкторы, занятые другой постоянной работой. В районах развитие промыслового хозяйства рассматривается как второстепенное занятие, никаких действий по его совершенствованию и техническому оснащению фактически не осуществляется. Не уделяется должного внимания и культурно-просветительной работе, здравоохранению и образованию на Севере области. В школах в настоящее время не осуществляется изучение родных языков и истории народов Севера, приемов и навыков ведения традиционного хозяйства, обучение охотничьему и рыболовному промыслам на уроках труда. В результате современное поколение многих северных народностей или их групп утратило навыки работы в промысловом хозяйстве, не желает заниматься охотой, рыбной ловлей, хотя труд в этих отраслях приносит хороший заработок. Создалась уникальная ситуация, почти не имеющая аналогов в других регионах страны: народ, обладающий этническим самосознанием, но без традиционной культуры и фактически без родного языка – на севере Томской области и полное обрусение значительной части этого народа – в южных районах той же области. Развитию данного процесса способствовало и то обстоятельство, что к настоящему времени все имевшиеся ранее национальные школы-интернаты для детей коренных народностей ликвидированы [2, 3]. Сегодня в области работают на общественных началах кружки по изучению языка и культуры в г. Стрежевом, г. Колпашево (кочевая школа, учитель Н.П.Иженбина), с. Парабель (язык и культура, И.А.Коробейникова), с. Каргасок (хантыйский язык и культура, Н.Б.Вялова), с. Нельмач (учитель С.Н. Чинина).

Общественные проблемы в первую очередь отражаются на детях, и, чтобы предотвратить утрату культурного наследия и исчезновение малочисленных народов Севера, необходимо усилить социальную защиту детства. Для этого требуется изучение этносоциальных и культурных особенностей коренных народов. Издание книг и учебников на языках коренных народов, сборников фольклора и истории этих народов, развитие профессиональной ориентации, психологической поддержки и социальной инфраструктуры в местах компактного проживания. При исследовании процесса социальной защиты детей возрастает роль мониторинга как постоянного наблюдения за их состоянием, качественного анализа организации их социальной защиты: получение информации о

положении детей в местах компактного проживания; выявление и анализ состояния социальной инфраструктуры детства; анализ реализации социальных программ; изучение общественного мнения по проблемам детей коренных народов.

Этнокультурный компонент развития регионального образования является актуальной проблемой, имеющий особую значимость, становясь одной из первоочередных задач теории и практики педагогики. Ведущее место в данном контексте занимает противоречие между складывающимся рынком как системой хозяйствования и низким уровнем знаний, умений и способов поведения, адекватных его природе. Вследствие этого необходимо воссоздание потенциала традиционной культуры и традиционной народной педагогики, где особое место отводится образованию при условии введения в общеобразовательную практику региона этнокультурного компонента. Решение проблемы построения образовательного процесса с опорой на этнокультурный компонент, позволит создать этносоциальную среду для полноценного формирования у детей этнокультурной компетентности, необходимой для социализации личности в современном мире. Возникла необходимость разработки образовательной модели – формирование системы, направленной на возрождение языка и культуры коренных малочисленных народов Севера на основе сохранения этнокультурных традиций. Методологическим основанием разработки образовательной модели послужили научные положения: о социальной природе воспитания, психолого-педагогической концепции социализации, о принципе культуру- и природосообразности, принципе историзма и объективности; о гуманизации как социально-ценностной основе жизни; о новейших теоретических достижениях отечественной и зарубежной науки по проблемам этноса; о понимании этнокультурного процесса как органической составляющей общей эволюции мировой цивилизации, находящейся под воздействием различных факторов внешней этносферы: социально-экономических, политических, культурных. Важнейшим теоретическим основанием этнокультурного образования малочисленных народностей Севера является конструирование таких педагогических технологий, которые органично включают природные механизмы, координирующие повседневную деятельность и возможности человека, не отрываясь от естественнонаучных предпосылок.

Нормативно-правовые основы образовательной деятельности определены в основополагающих законодательных актах РФ и Томской

области: Конституции РФ, 1993 г.; Законе РФ «Об образовании в Российской Федерации», 2012 г.; «Об общественных объединениях», 1995 г.; «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», 1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.07.2013); «О языках народов РФ», 1991 г.; «Национальной доктрине образования РФ до 2025 г.»; Декларации ООН о правах коренных народов от 13 августа 2007 г.; «Концепции национальной образовательной политики РФ», 2006 г.; «Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г.»; законе Томской области «Об образовании в Томской области», 2013 г.; «Концепции модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера РФ» – Авторский коллектив: М.Н.Кузьмин, О.И. Артеменко и др. М.: ИНПО, 2001; «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», утвержденной Правительством РФ 4.02.2009 г. (№ 132-р); Стратегии развития этнокультурного образования в Томской области на период 2010–2014 г.г. и областной межведомственной программы «Этнокультурное образование в Томской области на период 2010–2014 г.г.»; долгосрочной целевой программы «Развитие инфраструктуры общего образования Томской области на 2013 – 2015 годы»; видеоизмененной целевой программе «Развитие системы дополнительного образования детей и молодежи Томской области» на 2007-2009 годы; областной целевой программе «Общегражданский мир и межэтническая толерантность», 2012 -2014 гг. и др.

Исследовательский интерес для нас представляет опыт современного этнокультурного образования в штате Аляска (США), штата, близкого к Северу Сибири по географическим особенностям [4]. В 1998 г. общественным комитетом были разработаны культурные стандарты штата Аляска. В основе «культурных стандартов» лежит понимание того, что традиции родного языка и культуры местного населения каждого региона являются необходимым фундаментом для полноценного развития учеников и местного сообщества в целом. «Культурные стандарты» помогают оценить качество образования на уровне подготовленности педагогов, реализации учебных программ и деятельности школы во всем штате. Стандарты разработаны по 5 разделам: для учеников, для педагогов, учебных программ, школ и общественности региона. Предлагаемые стандарты являются дополнением, а не замещением существующих принятых образовательных стандартов. Ученики, соответствующие «культурному стандарту», способны: принимать на себя ответственность за свою роль в развитии культурного сообщества и своих

обязательств как членов сообщества; знать свою родословную; усваивать и передавать традиции своего сообщества в форме устной и письменной истории сообщества; нести ответственность за окружающую среду; понимать роль местного языка, который играет решающую роль в осознании этнокультурной идентичности; жить в согласии с культурными ценностями и традициями и интегрировать их в повседневную практику; определять место своего народа в национальной политике региона и страны, в интернациональной политике и экономических системах.

Стандарты для школ определяют активное участие старейшин во всех аспектах образовательного процесса. Культурные стандарты для местного сообщества направлены на распространение идеи использования местных традиций в повседневной практике.

Развитие коренного населения невозможно без специализированной профессиональной подготовки национальных кадров. С этой целью необходимо на базе профессиональных училищ и колледжей открыть специальности или специализации, ориентированные на профессиональную подготовку в традиционных способах деятельности народов Севера. Так, на базе ПУ № 22 с. Каргасок и ПУ № 28 с. Парабель следует открыть подготовку по специальностям «рыбак, прибрежное рыболовство и судовождение», «переработка рыбы», «скорняжное дело и пошив изделий из меха», «изделия из бересты», на базе Колпашевского медицинского училища – спецкурс «Народная медицина»; на базе колледжа общественного питания – специализацию «национальная кухня», на базе Томского губернского колледжа культуры и искусств – специализацию «этнический туризм», «этнический фольклорный ансамбль», на базе Томского и Колпашевского педагогических колледжей – специализацию «Учитель родного языка и малокомплектной школы» др. Также важно решить проблему квотирования мест подготовки кадров для коренных народностей в вузах. Рассмотреть вопрос о возможности открытия в г. Колпашево школы-интерната с начальной профессиональной подготовкой для детей коренных народностей Севера, а также нескольких комплексов «детский сад – школа» с этнокультурным компонентом образования, например, в г. Колпашево, с Парабель, с. Нельмач, с. Каргасок, с. Александровское, с. Тегульдэт; создать условия для эффективной работы кочевой школы в Колпашевском районе (учитель Н.П. Иженбина); в местах компактного проживания народностей Севера на базе этнокультурных центров организовать работу кружков по изучению родного языка и культуры.

Сегодня актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане является системный, комплексный, междисциплинарный анализ принципов, условий и средств вхождения традиционной этнической культуры в современный культурный контекст, в современную социокультурную среду, в определении конкретных механизмов ее адаптации к этому контексту. Одним из важных условий решения этой задачи является, на наш взгляд, достижение единства культурно-образовательного пространства северных регионов, согласованность культурной и образовательной политики. Речь идет о формировании таких культурно-адаптационных механизмов, которые бы, выполняя развивающие функции, сохраняли и не искажали основные ценностные установки традиционных культур, значимые для других культур [5].

© С. М. Малиновская, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 159.9.07

Потребность в безопасности городских жителей Красноярского края – представителей русского и смешанного этносов в старшем подростковом возрасте

А.В. Мантикова. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан*

Потребность в безопасности можно определить как потребность в защищенности, стабильности, в отсутствии страха, тревоги и хаоса; потребность сохранения физического и психического здоровья; потребность в структурированности и упорядоченности окружающего мира; в законе и регуляции социального поведения; в помощи и покровительстве [4]. Вместе с эволюцией общества потребность в безопасности развивается, начиная с простой физической безопасности, переходя к более сложной – духовной и социальной безопасности. Уже на уровне физической безопас-

ности обнаруживается, что эта потребность по-разному воспринимается и влияет на поведение.

Потребность в безопасности может удовлетворяться не только такими простыми и очевидными способами, как физическая охрана людей, имущества или защита информации. Социальный аспект безопасности включает в себя стремление иметь постоянное место жительства, надежное место работы, материальные сбережения, различные страховки, социальные гарантии (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение). В обществе существует потребность не только в личной, но и в общественной безопасности – это государственная, финансовая, продовольственная безопасность региона, страны в целом [4].

Недостаточное обеспечение государством этих направлений личной и общественной безопасности создает напряжение, рассогласование в зонах безопасности общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ) [3].

Потребность в безопасности в любом возрасте находится среди ведущих в иерархии потребностей индивида в силу обеспечения одной из приоритетных задач – выживания, без которого неосуществимы все остальные потребности [2]. Данная потребность «включается», как правило, после удовлетворения основных физиологических потребностей. Вместе с тем, в некоторых случаях, стремление к безопасности может превратиться в первостепенную потребность, и всецело определять поведение личности. Поэтому исследование потребности в безопасности должно определить нормативный коридор, в пределах которого она служит обеспечению выживаемости личности, но не превращается в доминанту, когда в поведении начинают проявляться патологические черты. Подростковый возраст – один из сензитивных периодов, в котором возможна перестройка иерархии потребностей на «внешнем» фронте – в общественной подструктуре ценностно-потребностной сферы личности, за счёт влияния общественных институтов, и, в частности, общественного мнения, социальных норм, СМИ. В это же время возможна динамика и в родовой подструктуре ценностно-потребностной сферы личности подростка, то есть, на более глубоких уровнях, но она в значительной степени менее выражена, так как для изменения любой из ценностно-потребностных зон родовой подструктуры ЦПСЛ требуются значительные периоды времени, выходящие за рамки старшего подросткового возраста [1]. К тому же на уровне родовой подструктуры ЦПСЛ в её динамике сложнее установить причинно-

следственные связи. Важным является также этнический аспект формирования потребности в безопасности у старших подростков мужского пола.

Выборку исследования составили 120 подростков профессиональных училищ Красноярского края, средний возраст 15,4 лет, которые были разделены по этническому признаку: 69 подростков – представители русского этноса и 51 – смешанного.

Подростки участвовали в опросе, целью которого было выявление субъективного ощущения степени их личной безопасности, безопасности их семьи, безопасности местности, в которой они проживают, и других локальных аспектов безопасности. Для определения различий между выборками использован t-критерий Стьюдента. География опроса: 7 городов Красноярского края: Красноярск, Лесосибирск, Ачинск, Канск, Железногорск, Зеленогорск, Минусинск. Пропорция подростков русского и смешанного этносов в данных городах: 57-60% подростков русского этноса, 40-43% подростков смешанного этноса.

Также, у всех подростков были диагностированы ценностно-потребностные зоны безопасности общественной и родовой подструктур ЦПСЛ при помощи автоматизированной системы диагностики ЦПСЛ [3].

Результаты опроса субъективного ощущения безопасности у старших подростков смешанного и русского этносов представлены на Рис 1.

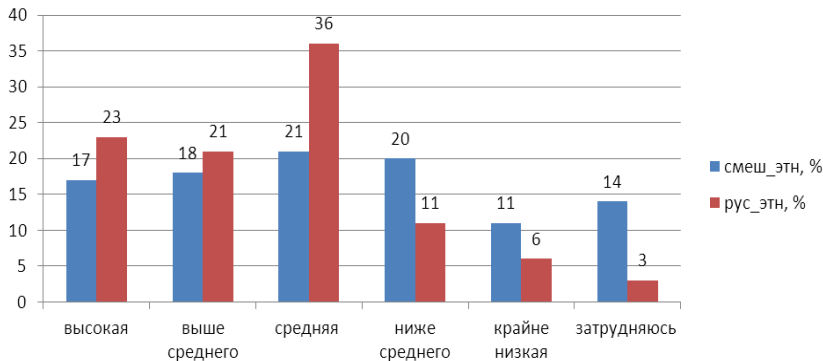

Рис 1. Оценка уровня личной защищенности от террористических угроз респондента и его семьи.

Подростки русского этноса, в целом, более оптимистично оценили степень личной защищенности от террористических угроз, что напрямую связано с потребностью в безопасности. Среди подростков смешанного

этноса на 11% больше тех, кто не смог оценить степень личной защищённости от террористических угроз, выбрав ответ «затрудняюсь ответить». Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, подростки русского этноса более осведомлены в данном вопросе, с другой – их потребность в безопасности более актуализирована на осознанном уровне, чем у подростков смешанного этноса.

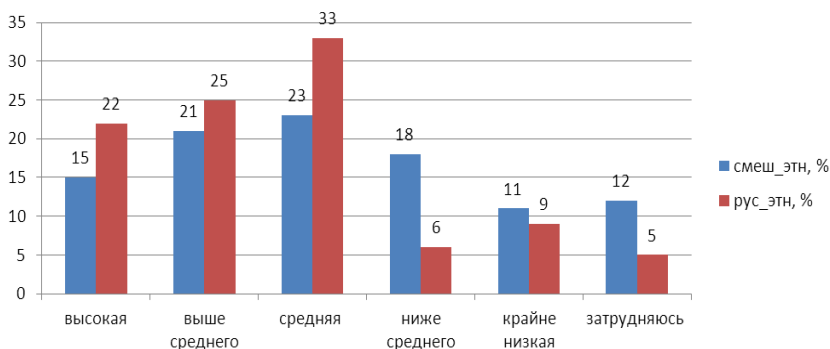

Рис.2. Оценка уровня защищенности от террористических угроз жителей населенного пункта респондента.

Статистическое большинство подростков русского этноса (33%) полагают, что населённый пункт, в котором они проживают, защищён от террористических угроз в средней степени. Такого же мнения придерживается на 10% меньше среди подростков смешанного этноса. В мнении о высокой степени защиты своего населённого пункта подростков русского этноса на 7% больше, чем подростков смешанного этноса. Затруднившихся ответить на данный вопрос вновь больше среди подростков смешанного этноса.

По другим вопросам, также относящимся к потребности в безопасности, получены ответы, различия по которым практически нивелированы между подростками разных этнических групп. Однако можно заключить, что у подростков русского этноса, по сравнению с подростками смешанного этноса, выше уровень осознанности и осведомлённости о таких аспектах безопасности, как личная защищённость от террористических угроз подростка и его семьи, защищённость от террористических угроз городов, в которых проживают подростки, способы, как обезопасить себя в быту, антитеррористические мероприятия в стране и городе проживания подростка, меры предосторожности в местах массовых скоплений людей. На

основе данных опроса можно сделать предположение, что у подростков русского этноса ценностно-потребностная зона безопасности в общественной подструктуре ЦПСЛ будет более выраженной. Перейдём к результатам исследования данной ценностно-потребностной зоны в обеих подструктурах ценностно-потребностной сферы личности: общественной и родовой, у подростков разных этнических групп.

Вначале следует отметить, что у подростков как русского, так и смешанного этноса в иерархии 8 ценностно-потребностных зон ЦПСЛ: гедонистической, безопасности, эго, экзистенциальной, аффилиативной, когнитивной, ритуальной, трансцендентальной [3], – зоны безопасности находятся на втором месте как в общественной, так и в родовой подструктурах ЦПСЛ.

Можно отметить, что у подростков смешанного этноса потенциальная конфликтогенность зоны безопасности между общественной и родовой подструктурами ценностно-потребностной сферы личности значительно выше, ($p \leq 0,01$). Это свидетельствует об общественно-родовом конфликте в данной зоне ЦПСЛ. Соотношение зон безопасности в общественной и родовой подструктурах ценностно-потребностной сферы личности подростков русского этноса более сбалансировано.

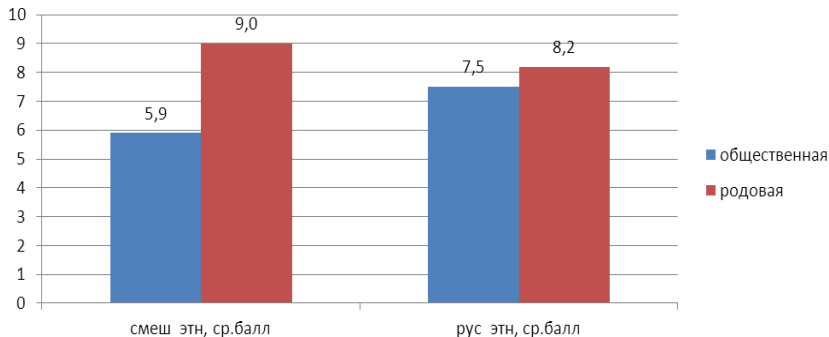

Рис.3. Выраженность ценностно-потребностной зоны безопасности в общественной и родовой подструктурах ЦПСЛ подростков разных этнических групп, N=120

Зона безопасности более выражена у подростков русского этноса на уровне общественной подструктуры ($p \leq 0,01$), но менее выражена на

уровне родовой подструктуры ($p \leq 0,05$), по сравнению с подростками смешанного этноса. Поэтому, можно заключить, что такая значимая потребность, как потребность в безопасности на глубинном генетическом уровне более развита у старших подростков смешанного этноса, но на уровне общественных норм, установок, транслируемых СМИ и другими общественными институтами, она имеет более «твёрдую почву» в общественной подструктуре ЦПСЛ подростков русского этноса. Тот факт, что, находясь в едином информационном пространстве и, проживая в одних городах, старшие подростки русского и смешанного этноса проявляют разную степень осознанности и информированности в сфере безопасности, свидетельствует о наличии у них разных фильтров в отношении восприятия информации. Эти различия носят глубинный уровень и касаются обеих подструктур ценностно-потребностной сферы личности – общественной и родовой, формируя соответствующие установки. Вероятно, процесс такого рода имеет место и в отношении других ценностно-потребностных зон ЦПСЛ у старших подростков. Данное исследование можно продолжить в контексте сравнения выраженности и соотношения зон безопасности общественной и родовой подструктур ЦПСЛ у городских и сельских подростков.

Литература

1. Мантикова, А.В. Этнопсихологические особенности общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности делинквентных подростков [Текст] / А.В. Мантикова // Вестник интегративной психологии. Ярославль, 2013. - Выпуск 11. – С.188-190.
2. Морогин, В.Г. Структура ценностно-потребностной сферы личности молодежи: этнические ценности русских и хакасов [Текст] / В.Г. Морогин, Т.Б. Гусева // LAP LAMBERT Academic Publishing. Абакан. – 2012. – 158 с.
3. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности [Текст] / В.Г. Морогин ; изд-во ТГПУ. - Томск. : ТГПУ, 2003. – 357 с.
4. Park, James. Ordinary forms of security and insecurity. – URL: www.tc.umn.edu/~parkx032/B-XSP.html. (Дата обращения 18.11.2014).

© А.В. Мантикова, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Формирование узбекского этноса

А. Назаров, О. Авезов. *Бухарский государственный университет,
Бухара*

Психологическая наука, ориентированная на всестороннее изучение полной картины формирования и проявления индивидуальных и социально-специфических качеств людей, должна учитывать этническое своеобразие развития последних. Этнический фактор в этом процессе играет огромную, а порой и решающую роль. Под его воздействием развивается совершенно своеобразный индивид с присущим только его «этническому типу» умом, чувствами, волей, способностями, интересами, настроениями, обычаями и привычками, формами взаимодействия и поведения. Более того, по тем же самым причинам представители разных этносов в соответствии со своими традициями и привычками по-разному и не в одно и то же время подходят к этапу физической, моральной, духовной, психологической и профессиональной зрелости. Известно, например, что у азиатских, африканских и некоторых латиноамериканских народов, в отличие от европейских, этот этап наступает несколько раньше. Специфические представления о самой зрелости и путях ее достижения существуют у представителей разных этнических общностей: у славян они одни, у арабов другие, у японцев, китайцев и вьетнамцев – третьи. Точно так же обстоит дело и в нашей стране. Необходимо четко знать, каковы взгляды по этому вопросу у представителей конкретных народов, и, соответственно принимая их во внимание, учитывать в практике жизни и деятельности.

Суверенитет и независимость Республики Узбекистан неизбежно актуализируют такие проблемы, как развитие этнического самосознания, возрождение традиций и обычаев. Наряду с решением сложнейших общественно-политических, социально-экономических и других вопросов появляется потребность в возрождении культурных и исторических корней, которые сохранили этнос и способствовали его самобытности и неповторимости.

Не исключено, а наоборот подчеркивается, влияние на узбекский этнос и его развитие, происходившее в многолетней общечеловеческой культуре и в истории других этносов.

Культура, форма и образ жизни, составляя основу общественного устройства и человеческой деятельности, являются главными определяющими этнического сознания, характера и самобытности народа.

Социально-исторический образ жизни выступает как показатель типичного вида жизнедеятельности этноса на определенном этапе его развития. При этом, социально-предметные особенности образа жизни (заданные социокультурной средой) выступают как источник развития и закрепления этнического сознания, этнических стереотипов поведения и в целом, как потенциальные возможности развития культуры этноса (воспроизводства культуры).

Культура и образование во все исторические эпохи узбекского этноса были тесно связаны с религией. Они отвечали за передачу традиций, обрядов, ритуалов узбекского народа другим поколениям.

В данной статье отмечается, что этнокультурные и этнопсихологические особенности народа особенно ярко запечатлены в народной мудрости, проявляются в действиях и поступках людей.

Справедливо будет отметить и такие черты этнического сознания узбеков, как почитание старших, образованных людей. Характерной чертой этноса является уважительное отношение к больным людям и инвалидам. Традиционно в этнической среде уважительное отношение к соседям и взаимопомощь между соседями и особенно среди родственников.

Формирование психологии узбекского народа проходило под воздействием интеграции древнего оседло-земледельческого ирано- и тюркоязычного населения оазисов современного Узбекистана и кочевых народов степной части Средней Азии. На территории оазисов нынешнего Узбекистана в свое время располагались три ханства – Хивинское, Бухарское и Кокандское, где важной политической и военной силой были кочевые племена. Скотоводы постепенно стали переходить к земледелию. Этот процесс длился несколько столетий и завершился в XIX веке.

На формировании узбекского народа отразилось и то обстоятельство, что оно проходило одновременно и в значительной мере на одной и той же территории, что и становление таджикского этноса. В развитии узбекского этноса наблюдались те же, что и у таджиков, процессы – образование больших территориально-хозяйственных комплексов, таких, как Хорезм, Фергана, оазисы бассейна Сурхан-Дарьи и т.д. У населения этих регионов выработались свои особенности материальной и духовной культуры, своя этнопсихологическая специфика.

Узбеки сохранили огромную любовь к родной земле. За многовековую историю им не раз приходилось брать в руки оружие и защищать свою отчизну, свои жилища. Все это утверждало в их сознании высокое чувство патриотизма. Любовь к своей земле, своему краю дополнялась общей гордостью за свой народ.

Узбеки чистоплотны. С незапамятных времен считалось обязательным не только систематически подметать комнату, двор, но и улицу у ворот или калитки. Эта традиция живет и сегодня. И если в другом регионе страны узбеки по собственной инициативе отвечают за уборку территории, можно быть уверенным, что чистота и порядок будут поддерживаться постоянно и добросовестно.

Социологические и психологические исследования показывают, что узбеки хорошо относятся к выполнению своих профессиональных обязанностей, терпеливо переносят жизненные тяготы и лишения, очень чутки к оценкам окружающих, выше всего почитают своих родителей и родственников, боятся, когда до последних доходят слухи об их слабом прилежании или недостаточной профессиональной компетентности. К сожалению, в настоящее время для узбеков стало непрестижно занятие производительным физическим трудом, поэтому многие стремятся занять должности в сфере материального распределения, торговли.

К этнопсихологическим особенностям узбеков относятся также решительность, обдуманность, доверчивость, доброжелательность, отзывчивость, особенно в начальный период их нахождения в многонациональном коллективе, готовность прийти на помощь, умение владеть своими чувствами. Вместе с тем, некоторым из них присущи замкнутость, стеснительность, малообщительность, настороженное отношение к выходцам из других регионов, в том числе из Прибалтики и Закавказья.

Узбеки высоко ценят уважительное отношение к культуре своего народа, истории, этническим чувствам, обычаям, традициям. Если в полиэтническом коллективе сложился устойчивый, здоровый морально-психологический климат, они проявляют трудолюбие, исполнительность, добросовестность. В тех же коллективах, где сложилась напряженная морально-нравственная атмосфера, они склонны к конфликтам, тяжело переживают оскорбления, проявляют злопамятность, способны совершать необдуманные поступки.

Издавна значительная часть узбекского населения была сплочена кровнородственными узами, общностью совместного труда. Сегодня эта традиция дает о себе знать в поведении узбеков, особенно сельских жите-

лей, проявляется в стремлении образовывать устойчивые земляческие группы, живущие иногда по закону круговой поруки. В последнем случае такие группы приобретают иногда негативную общественную направленность, так как преследуют узко эгоистические интересы. Порой они агрессивно относятся к представителям других этносов, стремятся подчинить своему влиянию выходцев из других регионов Средней Азии.

Узбеки очень переживают отрыв от дома, от родных и близких. С родителями и родственниками они поддерживают тесные связи, советуются по многим вопросам, откровенно пишут им о своих неудачах и недостатках. Привыкание к новым трудовым условиям в большинстве случаев протекает довольно сложно. Узбекская пословица: «И службу не нарушай, и дружбу не разрушай».

Сказываются существенные различия в образе жизни при переезде в другой регион. Частично сгладить остроту переживаемых чувств позволяет общение с земляками, прослушивание этнической музыки, песен, участие в концертах художественной самодеятельности. При доброжелательном к ним отношении узбеки не скрывают своих чувств и переживаний, готовы с радостью поделиться новостями с родины, рассказать о своей семье, о сложившихся отношениях.

В этой связи психологические и этнические особенности каждого этноса, включают в себя и историческое переплетение происходящего в общечеловеческой культуре. Вместе с тем, этнотипическое в каждом народе существует и это проявляется в ее жизни.

Сложный характер и предметная направленность обрядов, традиции и нравы узбекского народа обнаруживаются почти во всех сферах жизнедеятельности этноса; в манере беседы; во взаимоотношениях мужа и жены в семье; традициях питания, чаепития, бережливости; уважении к родителям и старшим; в этике невесты и жениха; правилах поведения на улице и в обществе; свадебных обрядах и во всех религиозных обрядах и празднествах.

Эти данные свидетельствуют о том, что история, культура, форма и образ жизни узбекского народа, социокультурная среда являются основными критериями этнического сознания, самосознания, национального характера, его самобытности и стереотипов поведения. Результаты исследования доказали, что этническое самосознание, традиции, обряды, ритуалы, вкусы, нравы, привычки узбекского народа во многом зависят от образования и культуры.

Выделенные черты этнопсихологического своеобразия узбекского

народа (высокая нравственность; порядочность; честность; благородство; скромность; отзывчивость; смелость; решительность; тактичность; терпеливость; выдержка; самообладание; реалистичность; чувство глубокого личного достоинства; степенность, обдуманность решений и действий и др.) и типичные проявления этнокультуры (сопереживание к родным, близким и окружающим; многодетность и любовь к детям; почитание стариков, родителей и младших; уважение старших, больных, инвалидов; бережное отношение к вещам; умение соблюдать дисциплину и порядок; тяга к знаниям и почитание образованных людей; бережное отношение к традициям, обычаям своего народа; религиозность; взаимовыдержка и взаимовыручка; преобладающая роль общественного мнения; чистота и санитарное состояние жилища; любовь и бережное отношение к истории и культуре; трудолюбие; патриотизм; гостеприимство и др. явились определяющими средствами развития этнического самосознания и его самобытности.

© А. Назаров, О. Аvezов, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 373

Возникновение речи и языка

Д. Сабилова, Р. Халилова. *Бухарский государственный университет,
Бухара*

Качественные особенности психики человека решительно выделили его из животного мира. Эти особенности возникли в процессе антропогенеза и культурной истории человечества и были непосредственно связаны с переходом человека с биологического на социальный путь развития. Главным событием здесь явилось возникновение сознания.

Классики неоднократно высказывали мысль о том, что ведущим фактором возникновения сознания были труд и язык: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» [1, т.20, с. 490]; «...язык есть практиче-

ское, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [1, т.3, с. 29].

Для успешного выполнения действия необходимо развитие «беспристрастного» типа познания действительности. Ведь действия начинают направляться на все более и более широкий круг предметов, и познание «объективных устойчивых свойств» этих предметов оказывается жизненной необходимостью. Вот здесь и проявляется развитие речи и языка.

Вокруг проблемы зарождения языка ведется немало споров, но различные решения этой проблемы не вступают друг с другом в столкновение и в общем-то остаются в пределах правдоподобных гипотез, не меняя принципиально существа дела. Эти гипотезы связывают происхождение человеческой речи, а, следовательно, и языка как средства речевого общения с изменением голосового общения, наблюдаемого у многих животных. Изменение голосового общения происходит в том отношении, что голосовые реакции оказываются предметно отнесенными, то есть из сигналов, выражающих эмоциональное или определенное потребностное состояние, они превращаются в сигналы, относящиеся к некоторому объективному содержанию.

Предметная отнесенность тех сигналов, с помощью которых происходит общение, представляет собой основную черту, характеризующую общение посредством языка. Эта мысль достаточно ясна: когда люди пользуются словами языка, они всегда имеют в виду некоторые объективные события. Правда, возникает вопрос о том, каким образом передаются чувства. Однако и при передаче чувств, которые по своему характеру выступают как субъективные явления, человек также адресуется к тому, что, будучи представлено в его опыте, возникает на объективных основаниях. На первых этапах развития языка, прежде всего, появляется отнесенность к объективному содержанию, которая лишь впоследствии (и это крайне важный момент) становится способом выражения некоторых внутренних психических состояний.

С точки зрения А.Н. Леонтьева, более содержательной представляется гипотеза о происхождении языка, которая исходит не из того, что в ходе развития голосовых реакций происходит изменение голосовых сигналов, заключающееся в том, что они приобретают предметную отнесенность и тем самым становятся сигналами языка, а из того, что первоначальные формы общения, опосредствованные языком, представляют собой общение, которое происходит в самом процессе труда, то есть первоначально собственно трудовые действия людей и их общение представ-

ляют единый процесс. Иными словами, в первоначальной форме феномены общения выступают как своеобразные способы, средства осуществления производства, которые затем трансформируются, образуя язык. При таком решении проблема происхождения языка необходимо связывается с внешне двигательными выраженными сигналами. Это понятие обычно обозначают термином «кинетическая речь».

Поясним эту гипотезу. Дело в том, что совместная деятельность с некоторым вещественным объектом предполагает кооперацию усилий и, следовательно, распределение этих усилий в процессе труда. Необходимость распределения усилий естественно приводит к появлению внешне двигательных процессов, направленных не на достижение требуемого эффекта, например на перемещение тяжелого предмета, а направленных на других участников совместной деятельности и, тем самым, выполняющих особую *сигнальную* функцию. Так, если человек в кооперации с другими людьми прилагает в одиночку свое усилие для того, чтобы сдвинуть тяжесть, препятствующую осуществлению действия, и оказывается не в состоянии этого сделать, то само усилие этого человека выступает как сигнал, служит *указанием* для совместно действующих с ним людей на необходимость присоединиться к этому усилию. Таким образом, в данном примере действие, направленное на перемещение тяжести, объективно связывает носителя этого действия с другими людьми. Установление факта, что усилия, направленные на объект, также воздействуют и на соучастников трудового процесса общения, естественно приводит к тому, что возникает возможность общения, которая и реализуется с помощью этих трудовых действий. Если мы примем это естественное допущение, то мы должны принять и то, что участник совместного трудового процесса, обнаружив для себя эффект, который его действие по отношению к объекту производит на других участников трудового коллектива, начинает осуществлять свои действия уже специально для этой цели, то есть начинает использовать их как средства общения.

Однако при использовании действия как средства воздействия на других людей отпадает необходимость использования его в развернутой форме, так как для того, чтобы воздействовать на другого человека движением, сдвигающим предмет, вовсе не нужно осуществлять это действие в его развернутой форме и прилагать то огромное усилие, которого оно требует. Именно вследствие этого действие как бы свертывается и движение выполняет лишь единственно функцию указания на необходимость осуществления этого действия и тем самым функцию воздействия на со-

участников трудового процесса. Приобретая функцию воздействия, движение отвлекается, отделяется от трудового действия. Это отвлечение движения и есть не что иное, как рождение *жеста*. Жест и представляет собой движение, отделенное от своего результата, то есть не приложенное к тому предмету, на который оно направлено.

Нужно сказать, что идея о том, что первоначально язык как средство общения появляется в форме жеста, чрезвычайно стара.

Высказанную гипотезу о происхождении языка не следует упрощать. При появлении жеста как средства общения голосовое общение, разумеется, не замещается, не подменяется жестом, а, напротив, происходит связывание голосовых сигналов общения с некоторым предметным содержанием. С точки зрения гипотезы, функция отнесения к предметному содержанию первоначально выполняется непосредственно самим трудовым действием, в то время как другие функции, функции передачи эмоциональных и потребностных состояний, продолжают осуществляться с помощью голосовых сигналов. Первую функцию можно обозначить как функцию «*означения*», то есть предметного отнесения. Другую же функцию, которая, несомненно, является более древней по своему происхождению, обозначают как функцию «*выражения*», выражения какого-либо состояния. Функцию «означения» также часто называют «*номинативной*» функцией, а функцию «выражения» — «*экспрессивной*» (*expression* — по-английски «выражение»).

Итак, речь идет о том, что на заре развития человеческого общения экспрессивная функция продолжает выполняться голосовыми средствами, голосовыми сигналами, а номинативная функция, которая происходит путем видоизменения, специализации трудовых движений, начинает осуществляться в самом процессе общения. Но кинетическая речь, то есть сигнализация посредством движений, отделенная от трудового исполнительного действия, очень ограничена по своим возможностям, в то время как речь, сохраняющая в своем первоначальном виде форму голосовых сигналов, гораздо богаче по своим возможностям, чем кинетическая речь.

Изложенная гипотеза — это только гипотеза, но она в высшей степени вероятна и всегда находит свое, правда, косвенное подтверждение в целом ряде хорошо установленных фактов.

Переход номинативной функции с внешне двигательных на звуковые средства общения и обратный переход экспрессивной функции с голосовых реакций на внешне двигательные легко проследить на современных развитых языках. Так, например, когда человек груб, то предметное

содержание передается, конечно, средствами звукового языка, а экспрессивная функция, главным образом, переходит на жест. Отношения обращаются. Жест становится выразителем слова, языкового элемента речи, а собственно звуковые элементы речи становятся носителями предметного звукового содержания.

Таким образом, психика социальна по своему происхождению. Возникновение психики происходит в условиях активного воздействия на природу с помощью орудий, т.е. психика представляет собой форму активно-познающего отражения. И наконец, психика человека не есть что-то застывшее и неизменное, она трансформируется в тесной зависимости от образа и условий жизни. История психики является отражением самой жизни и подчиняется ее общим законам.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 352с.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2001
3. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб, 2001
4. Макарова И.В. Психология: Конспект лекций – 2-е изд., доп. – М., 2008. – 237 с.

© Д. Сабирова, Р. Халилова, 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 316;81'243:801.1

Билингвизм в этнопсихологии

Г. Саломова. *Бухарский государственный университет, Бухара*

В наши дни многие этнологи и психологи продолжают рассматривать этнос как реальную социальную группу, сложившуюся в ходе исторического развития общества. В свою очередь в социальной группе рассматриваются обычаи, культура, язык и т.д. Исходя из вышесказанного, можно считать одним из факторов этнопсихологии билингвизм.

Билингвизм (двуязычие) – способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами, более двух – полиглотами. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом – значит принадлежать одновременно к двум различным социальным группам.

По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм ранний и поздний. Различают также билингвизм рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий), последний из которых является целью изучения иностранного языка. Речь человека при переходе на другой язык не свободна от интерференции [1].

В речи иностранца неизбежны фонетические, графические, орфографические, морфологические, лексические и синтаксические ошибки. Ошибки бывают как коммуникативные, так и некоммуникативные.

Особую группу билингвов составляют люди, родной язык которых оказался не нужным в условиях эмиграции. Восстановление языка их родителей представляет сложную методическую задачу для преподавателей.

Всякое взаимное воздействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными.

По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают:

- ранний билингвизм;
- поздний билингвизм.

Также различают:

- рецептивный (воспринимающий (он же «врожденный») билингвизм;
- репродуктивный (воспроизводящий);
- продуктивный (производящий, «приобретенный»).

Врожденный – воспринимающий билингвизм относится к термину взаимопроникновения культур. Воспроизводящий билингвизм относится к термину «исторический колониализм». Производящий билингвизм – к языковому образованию.

Билингвы и полиглоты представляют интерес для психологии, социологии и лингвистики.

Билингвизм изучается в рамках психолингвистики и социолингвистики. Социальные аспекты билингвизма являются одной из тем со-

циолингвистических исследований. Массовый билингвизм может быть заметной приметой языковой ситуации.

При билингвизме два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта [2].

Чистое двуязычие, по мнению Л.В. Щербы, выгоднее смешанного при овладении иностранными языками, ибо в таком случае при прочих равных условиях второй язык оказывается, с одной стороны, более автоматизированным и, следовательно, более успешно выполняющим свою непосредственную задачу, а с другой стороны, менее подверженным деформирующему влиянию первого языка. Однако создание чистого двуязычия требует организации иноязычного окружения, что практически трудно достижимо.

Чистое двуязычие лишено образовательного значения, присущего смешанному. Кроме того, врожденный билингвизм в случае низких умственных способностей ребенка может привести к ОНР и отставанию в развитии в связи с более сложной структурой воспринимаемой информации.

По мнению Л.В. Щерба при смешанном двуязычии возникают условия, благоприятствующие сравнению: «Сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка – иллюзию, будто существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности. Таково, по-моему, колоссальное образовательное значение двуязычия, и можно, мне кажется, лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие. Другим народам его приходится создавать искусственно, обучая своих школьников иностранным языкам» [3].

Большое значение сравнения Л.В. Щербы связывается с тем, что:

- через сравнение повышается сознательность: сравнивая разные формы выражения, человек отделяет мысль от знака, её выражающего, и этой мысли;
- языки отражают мировоззрение той или иной социальной группы, то есть систему понятий, её характеризующую.

Увеличение образовательных ресурсов в Интернете, в частности рост Википедии, повысило значимость билингвизма в школьном и вузовском образовании.

Выделяются два случая билингвизма:

- языковые социальные группы взаимно друг друга исключают, то есть два языка никогда не встречаются: член двух взаимно исключających друг друга групп никогда не имеет случая употреблять два языка попеременно;
- языковые социальные группы в той или иной мере друг друга покрывают.

Исследования обнаружили, что у двуязычных людей образуется больше серого вещества в нижней части теменной области коры головного мозга. Чем позже начать освоение второго языка, тем менее проявляется эта особенность. Именно серое вещество мозга отвечает за анализ информации. Хотя «пластичность» серого вещества известна уже давно, процессы изменения вещества мозга под воздействием определённых воздействий до сих пор остаются плохо изученными. Новые результаты показывают, как изучение второго языка может влиять на структуру мозга, особенно в раннем возрасте.

В речи билингва, владеющего двумя языками, происходит не только взаимодействие языковых систем, но и проявляется присутствие двух различных культур. Межкультурная коммуникация предполагает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным этническим культурам».

Билингвизм как явление межкультурной коммуникации представляет несомненный интерес, как для лингвистов, так и для преподавателей иностранного языка, от которых в значительной степени зависит эффективность практики межкультурной коммуникации.

Литература

1. Вундт В. Проблемы психологии народов - СПб. 2001. С. 124-185.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник. - М., 2006. С. 68-105.
3. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. - СПб., 1996. С. 77-114.

© Г. Саломова, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

УДК 613.96:613.816

Употребление алкоголя совершеннолетними в разных этнических группах

А.Ю. Шишкина. *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан*

В Большом Энциклопедическом Словаре, алкоголизм определяется как хроническое заболевание, обусловленное систематическим употреблением спиртных напитков [1].

Исследование особенности алкогольной зависимости в разных этнических группах в современном обществе является весьма актуальной проблемой. Это определяется тем, что в нашей стране алкоголизм — доминирующее наркологическое заболевание, его последствия оказывают прямое негативное влияние на многие стороны жизни общества. Это и снижение уровня здоровья, и преждевременная смертность населения, и асоциальное поведение, конфликтные ситуации на производстве и в семье, приводящие к безнадзорности детей [7]. Среди тенденций, характеризующих процесс алкоголизации, вызывают тревогу неуклонное снижение возрастных границ и феминизация алкоголизма.

Психологическим проблемам алкоголизма посвящены работы Б.С. Братуся [2], Ю.В. Валентика [3], Ц.П. Короленко [6], Б.М. Гузикова, К.Г. Сурнова [8] и др.

Проблема злоупотребления алкоголем совершеннолетними вошла в разряд первоочередных. Алкоголизм поражает не только отдельную личность, оказывая влияние на содержание ценностей, формирование мотивов поведения, на систему взаимоотношений с окружающими и другие социально-психологические характеристики, но и общество в целом, являясь показателем морального и физического здоровья нации, обусловленного социально-экономическими, политическими, психологическими факторами. Другими словами, алкоголизм нельзя рассматривать как узкоспециальную проблему; тем не менее, большинство исследований фокусируются в основном на отдельных моментах — медицинских, психологических, социологических и т.п. [7].

Причину резкого обострения алкогольной ситуации следует искать, прежде всего, в объективных трудностях и негативных последствиях происходящего в стране масштабного и радикального реформирования экономических, социальных и политических основ российского общества.

К алкогольным напиткам часто обращаются тогда, когда хотят поднять настроение, снизить психическую напряжённость, чувство усталости, часто – это попытка уйти от реальности с её бесконечными переживаниями и заботами, а также получить моральное удовлетворение. Для многих алкоголь может помочь преодолеть особый психологический барьер и установить эмоциональный контакт с другими людьми, а для других, особенно совершеннолетних, он является средством самоутверждения, так сказать, особым показателем «мужества», или «взрослости» [4].

В настоящее время, алкоголизм представляет собой социальную болезнь современного общества. Несмотря на явно негативные тенденции, общество, как это ни странно, не отказывается от употребления алкогольных напитков. Это вызывает тревогу, привлекает общественное внимание и является предметом обсуждения, свидетельствует, что алкогольная ситуация в России представляет собой серьезную социальную проблему и может повлечь за собой серьезные социальные последствия.

Представители разных этнических групп относятся к спиртным напиткам по-разному. В европейских обществах пристрастие к алкоголю обычно скрывается. Индейцы и эскимосы американского Севера, напротив, склонны завышать количество выпитого, стремясь поддерживать устойчивый стереотип «аборигена под хмельком». Подобная этнокультурная специфика может существенно исказить реальную картину и в обществах коренных северян Российской Федерации [5].

Таким образом, необходимо отметить, что современное общество столкнулось с серьезной социальной проблемой, и на протяжении длительного времени идет борьба с «алкогольным пристрастием». Для решения этой проблемы необходима интеграция психолого-педагогических, демографических, социологических исследований. Но, несмотря на большое число научных рекомендаций, нужны новые результативные методы предупреждения и терапии алкогольной зависимости, учитывающие распространенность этого заболевания и, особенно, этнический паттерн потребления алкоголя и сформировавшийся в массовом сознании социально-психологический стереотип потребления алкогольных напитков как культурной нормы, традиции.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . 2-е изд., перераб. и доп. ., 2000.
2. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: МГУ, 1984. 144 с.
3. Валентик Ю.В. Современные методы психотерапии больных с зависимостью от психоактивных веществ // Лекции по наркологии / под ред. проф. Н.Н. Иванца. М.: Нолидж, 2000. С. 309–341.
4. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–84
5. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999. 352 с.
6. Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1987. 170 с.
7. Морогин В.Г., Костина Н.П. Социально-психологическая история алкоголизации России [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
8. Сурнов К.Г. Изменение установок личности при алкоголизме: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1982. 20 с.

© А.Ю. Шишкина, 2014.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

Сведения об авторах

Авезов Олмос, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара (Узбекистан), e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Анжиганова Лариса Викторовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: alv_9@mail.ru

Бафаев Мухиддин Мухаммадович, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Василец Нина Витальевна, аспирантка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: nina.vasilets@mail.ru

Давыдов Александр Станиславович, аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Минусинск, e-mail: asd3major@yandex.ru.

Ибрагимов Радий Назибович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: dison1@mail.ru.

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, зав. кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета, Ярославль, e-mail: v.mazilov@yspu.org.

Малиновская Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, институт развития образовательных систем Российской академии образования, Томск, e-mail: malina-1949@mail.ru

Мантикова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: psychologistmantika@gmail.com.

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, профессор кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, e-mail: morogin_vg@khsu.ru.

Назаров Акмаль, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail:

psixologiya_jurnali@rambler.ru

Останов Шухрат Шарифович, преподаватель кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Сабирова Дилафруз, психолог, докторант кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Саломова Гули Шодимуродовна, докторант кафедры психологии Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Халилова Рухсора, филолог, преподаватель кафедры методики начального обучения Бухарского государственного университета, Бухара, e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Шишкина Анастасия Юрьевна, магистрант кафедры психологии Медико-психолого-социального института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, e-mail: ethnos2012@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 3.sr.;
URL: pem.esrae.ru/4-29 (дата обращения: 14.12.2014).

Секция 1:

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования

Библиографическая ссылка

Кросс-культурные и этнопсихологические исследования // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 3.sr.;
URL: pem.esrae.ru/4-29 (дата обращения: 14.12.2014).